

Дамы из Грейс-Адье и другие истории (сборник)

Автор:

[Сюзанна Кларк](#)

Дамы из Грейс-Адье и другие истории (сборник)

Сюзанна Кларк

The Big Book История английской магии #2

От автора легендарного шедевра «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» – «Так мог бы выглядеть роман „Мастер и Маргарита“, если бы его написал Диккенс» (А. Генис); «Лучшая литературная сказка на английском языке за последние семьдесят лет» (Н. Гейман) – восемь историй о магической Англии, лежащей в шаге от Англии «обычной». Сюзанна Кларк рассказывает нам о разнообразных видах магии, оставшихся за страницами ее прославленного романа. Это и магия эльфов, и волшебство, подвластное мастерицам-вышивальщицам, и даже то, что сильнее колдовства и благодаря чему простой человек может победить сильнейшего из магов. «Такое ощущение, будто Джейн Остен взяла и переписала сказки братьев Гримм. Волшебство во всех смыслах!» (Spectator)

Переводы публикуются в новой редакции.

Сюзанна Кларк

Дамы из Грейс-Адье и другие истории (сборник)

Susanna Clarke

THE LADIES OF GRACE ADIEU AND OTHER STORIES

Copyright © 2006 by Susanna Clarke

Illustrations copyright © Charles Vess

All rights reserved

This translation is published by arrangement with Bloomsbury Publishing Plc

© Е. Доброхотова-Майкова, примечания, 2017

© М. Клеветенко, перевод, 2017

© В. Кулагина-Ярцева, перевод, 2017

© Н. Парфенова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Такое ощущение, будто Джейн Остен взяла и переписала сказки братьев Гримм.
Волшебно во всех смыслах!

Spectator

Мир волшебных английских сказок окружает нас с детства. Но только со временем мы начинаем обнаруживать, насколько он огромен. Вначале это

«Робин-Бобин-Барабек», потом – истории о Робин Гуде и короле Артуре, дальше – «Хоббит» и «Нарния», еще дальше – «Властелин Колец», «Земноморье»... Пределы страны Фантазии раздвигаются до бесконечности. Роман Сюзанны Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» собрал в себе такое количество традиций истинно английского волшебства, совместив их с традициями собственно литературными, что этого могло бы хватить на создание целого мира. Да, строго говоря, Кларк и создала не роман, но мир.

Сборник «Дамы из Грейс-Адъё» примыкает к «Стренджу и Норреллу» не сюжетно, а, скорее, духовно. Действие заглавной новеллы, как и «Истории о Джоне Аскгласе и углежогe из Камбрии», происходит в той же магической Британии. Но, с другой стороны, персонажи рассказа «Как герцог Веллингтон потерял своего коня» обитают даже в «Звездной пыли» Нила Геймана. Кларк показывает общность своего творчества с самой Британией, с народами малыми и великими, ее населяющими, с ее деревьями, камнями, реками, с духами прошлого, таящимися в каждой расщелине. Они – соседи, живущие рядом. Они – плоть от плоти и кость от кости тех, кто живет в мирах реальном и вымышленном. И граница миров тонка.

Книжное обозрение

Эти восемь рассказов напоминают «Стренджа и Норрелла» тем, что волшебные создания меняют историю, сквозь XIX век просвечивает современность, и сами страницы книги буквально источают очарование.

Bookmarks Magazine

Сборник «Дамы из Грейс-Адъё и другие истории» посвящен разнообразным видам магии, оставшимся за страницами «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла». Это и чародейство, которым пользовались современницы двух прославленных волшебников, и магия эльфов, и волшебство, подвластное мастерицам-вышивальщицам, и даже то, что сильнее колдовства и благодаря чему простой человек может победить сильнейшего из магов.

Мир фантастики

Только Сюзанна Кларк способна писать так уверенно – и в то же время так легко.

Daily Telegraph

Просто стопроцентное попадание. Всё как мы любим. «Дамы из Грейс-Адье» – это сборник из восьми историй о всяческих колдовских силах, в стиле лучших преданий туманного Альбиона. Очень нравится этот восхитительный дух волшебных легенд, когда при прочтении не хочется отделять правду от вымысла. Когда само построение повествования заставляет тебя поверить, будто ты читаешь о том, что действительно когда-то имело место быть. Такого, что бы ходило на грани между мифом и реальностью, – очень мало и потому очень ценно.

Livelib.ru

Отказав сверхъестественному в специальном статусе, Кларк вплетает волшебство в ткань подлинной истории с ее реальными героями, вроде Веллингтона или Байрона.

Александр Генис (Иностранная литература)

О событиях начала XIX века автор имеет наглость рассказывать языком начала XIX века – языком Диккенса, языком Вальтера Скотта. Впрочем, наглость эта прощительна: Сюзанна Кларк – прирожденный стилист; она пишет – ты веришь. Невозмутимая леди Кларк внушает читателю даже не то, что волшебство существует, но то, что оно так же банально и естественно, как, скажем, насморк, который читатель наверняка схватит, если промочит ноги.

Анна Старобинец (Гудок)

Только Кларк столь естественно удается вплести свою волшебную нить, сваянную из кошачьих шагов и голосов рыб, в масштабный и дотошный гобелен исторической реальности эпохи Регентства и литературного канона Диккенса и Джейн Остен.

Александр Гаррос (Эксперт Online)

Кларк пишет сдержанно и остроумно; ее стиль великолепен.

Entertainment Weekly

Затейливое переплетение исторической прозы с литературной сказкой понравится каждому, кто любит погрузиться в мир, созданный великолепным рассказчиком.

Denver Post

Вот писатель, который помнит, что сказочные персонажи вовсе не так безобидны, как предстают в пересказах для детей.

Village Voice

Точный и строгий стиль придает фантазии весомость, а тщательные исторические изыскания наделяют магические эпизоды пугающим реализмом.

People

Из смеси истории и воображения рождается вымышленный мир, который выглядит таким же реальным, как наш собственный.

Благодарности

Эти рассказы не появились бы, если бы не следующие люди: Колин Гринленд и Джефф Райман (который заставил меня написать первый рассказ, хотя мне очень не хотелось), Нил Гейман, Патрик и Тереза Нильсен Хейден, Терри Уиндлинг, Эллен Датлоу и Чарльз Весс. Моя любовь и благодарность им всем.

Моим родителям Дженет и Стюарту Кларк

Предисловие профессора Джеймса Сатерленда, руководителя Центра по изучению сидов Абердинского университета

Я занялся составлением этого сборника, преследуя две весьма скромные цели. Во-первых, пролить свет на развитие магии Британских островов в разные исторические периоды. Во-вторых, поведать читателям, какими способами жители Страны Фей проникают в наш обыденный мир, или, другими словами, создать своего рода учебник, знакомящий с Иными краями и их обитателями.

История, давшая название сборнику, «Прощай-Милость, или Дамы из Грейс-Адъё», относится к первой категории. Это беспристрастное описание тягот, выпавших на долю дам, которые практиковали чародейство в начале девятнадцатого столетия, когда их достижения не ставились ни во что коллегами-мужчинами (такими, как Гильберт Норрелл и Джонатан Стрендж). События, описываемые в повести, упомянуты в одном малоизвестном романе, опубликованном несколько лет назад. Если читателям довелось ознакомиться с

«Джонатаном Стренджем и мистером Норреллом» (Блумсбери, Лондон, 2004), я отошлю их к примечанию к главе 43, где рассказывается, как Джонатан Стрендж не без труда выхлопотал своему шурину богатый приход в Нортгемптоншире вместо бедного в Глостершире. Из повести становится ясно, чем руководствовался Стрендж.

Рассказы «На Гиблом холме» и «Гротески и аллегии» повествуют о том, что для наших английских и шотландских предков встречи с обитателями Иных краев и волшебством были делом более обыденным, нежели в нынешние времена.

Повесть «Мистер Симонелли, или Эльф-вдовец» представляет собой отрывок из дневника Алессандро Симонелли. Бесспорно, в манере письма автора есть что-то крайне раздражающее. Высокомерие и заносчивость его племени (разумеется, я имею в виду англичан, и никого более) сквозит в каждой фразе. Составителю советовали подходить к этим дневникам с осторожностью. Симонелли впервые опубликовал их в середине двадцатых годов девятнадцатого века. Спустя двадцать лет он переработал и снова опубликовал свое творение, затем еще раз – в конце шестидесятых. На протяжении всего девятнадцатого и в начале двадцатого века дневники и воспоминания Симонелли постоянно переиздавались, в том числе в новых редакциях. И всякий раз автор переписывал свою историю в свете тех навязчивых идей, которые его обуревали, – будь то шумерская история, женское образование, совершенствование моральных принципов сидов[1 - Сиды (от ирландского Aes Sidhe – люди холма) – в кельтской мифологии божественные существа, обитавшие под землей, в холмах и пещерах, иногда на чудесных островах в океане. Впоследствии они превратились в банши, фей, эльфов и других персонажей народных преданий.] (эльфов), снабжение Библиями язычников или преимущества нового сорта мыла. Именно поэтому я выбрал отрывок из первого издания, в котором описывается начало удивительной карьеры Симонелли. Остается надеяться, что хоть что-нибудь из написанного автором соответствует истине.

После Ватерлоо отношения между сидами (эльфами) и англичанами усиленно развивались. Британские государственные мужи и так и эдак обсуждали «эльфийский вопрос», но все сходилось на его сугубой важности для национальных интересов. Однако если приведенные истории что и доказывают, так это совершенную неподготовленность рядового джентльмена девятнадцатого века к непредвиденной встрече с жителями Иных краев. Случай

с герцогом Веллингтоном прекрасный тому пример. Следует отметить, что в сходных обстоятельствах дамы проявляли себя гораздо достойнее. Так, героиня повести «Миссис Мабб» Вениша Мур благодаря внутреннему чутью поняла обычаи Страны Фей много лучше, нежели умудренный опытом и летами герцог.

Повесть «Том Ветер-в-Поле, или Как был построен волшебный мост в Торсби» также представляет интерес для изучающих Страну Фей. Однако не вижу необходимости пересматривать свое суждение о ней, которое высказал в 1999 году (и каковое, как мне думается, заслуживает более широкого внимания). Мое предисловие читатель обнаружит перед самой повестью.

Завершает сборник рассказ замечательного писателя Джона Уотербери, лорда Портисхеда. Читать его сочинения (за исключением периода с 1808 по 1816 год, когда лорд Портисхед был вынужден приноравливаться к Гильберту Норреллу), особенно пересказы старинных преданий о Короле-вороне, – истинное удовольствие. «История о Джоне Аскгласе и углежогe из Камбрии» создана в жанре, особенно любимом в Средние века, – сказок о том, как бедные и ничтожные посрамляют богатых и сильных. (В связи с этим мне вспоминаются рассказы о Робин Гуде или баллада «Король Джон и аббат»[2 - «Король Джон и аббат» (в русском переводе С. Маршака «Король Джон и епископ» или «Король Джон и пастух») – старинная английская баллада, впервые вышедшая в лубочных листах между 1650 и 1690 гг. Король Джон (не исторический Иоанн Безземельный, а собирательный фольклорный образ короля), желая расправиться с аббатом Кентерберийским за «богатство и громкую славу», задает ему три вопроса, которые не могут разрешить ученые Оксфорда и Кембриджа, и лишь неграмотный пастух легко придумывает остроумные отгадки.] В средневековой Северной Англии не было никого состоятельнее и могущественнее Джона Аскгласа. Немудрено, что в североанглийском фольклоре не счесть историй о том, как Джон Аскгласс проваливается в яму, избирает недостойный предмет для нежных чувств или в силу запутанных и малоправдоподобных обстоятельств вынужден варить овсянку для умаявшихся трактирщиц.

Как ни печально, но ныне, как и прежде, на нас со всех сторон обрушиваются потоки недостоверных сведений о Стране Фей и ее обитателях. Именно поэтому подобный сборник может стать для серьезного исследователя культуры сидов окном, сквозь которое проглядывает отблеск ее непростого и опасного очарования.

Джеймс Сатерленд,

Абердин, апрель 2006 г.

Прощай-Милость, или Дамы из Грейс-Адье

Помните, что магия идет не только от головы, но и от сердца, и все, что вы делаете, надлежит совершать с любовью, радостью или по зову праведного гнева.

Следуя этому правилу, мы видим, что магия есть нечто большее суммы выученных заклинаний. Она для нас – как полет для птиц, ибо приходит из неизведанных глубин нашего сердца. И тогда, творя магию, мы исполняем радости, словно птицы, парящие в бескрайнем небе, и понимаем, что магия присуща человеку, как птицам присущ полет.

Это знание – дар, полученный нами от Короля-ворона, истинного правителя всех волшебников, стоящего между Англией и Страной Фей, между миром людей и диких созданий.

Из «Книги леди Екатерины Винчестерской» (1209–1267), перевод с латыни Джейн Тобиас (1775–1819)

По смерти миссис Филд супруг покойной, оглядевшись вокруг, обнаружил, что со времен его юности свет не оскудел хорошенькими юными дамами. Разорение мистеру Филду не грозило ни в молодости, ни теперь, посему безутешный вдовец решил, что еще одна хорошенькая юная дама в его доме не помешает. Стоит заметить, что там уже проживала прелестная племянница мистера Филда мисс Кассандра Парбрингер, которая присматривала за хозяйством.

Мистер Филд считал, что не слишком изменился с тех пор, как ему минул двадцать один год. Племянница целиком разделяла его мнение. «Что в двадцать один, что в сорок девять, дорогой сэра, вы всегда были одинаково нудным», – бывало, размышляла Кассандра про себя.

Итак, мистер Филд женился во второй раз. Его избранница была остроумна, мила и всего на год старше Кассандры. (В оправдание юной дамы следует сказать, что она была бедна, и, не выйди она замуж за мистера Филда, ей пришлось бы стать школьной учительницей.) Новая миссис Филд и Кассандра быстро нашли общий язык и вскоре стали неразлучны. Увы, приходится заметить, что привязанность дам друг к другу намного превосходила их привязанность к мистеру Филду. Среди друзей миссис Филд и мисс Парбрингер числилась некая мисс Тобиас. Дамы часто прогуливались в окрестностях родной деревни Грейс-Адъё, иначе называемой Прощай-Милость, что в Глостершире.

В свои двадцать Кассандра Парбрингер являла идеал женской прелести, к которому так равнодушны многие джентльмены. Нежный румянец оттенял бледную кожу. Яркие голубые глаза гармонично сочетались с золотистыми локонами. В целом облик Кассандры навевал мысли о беззащитности и детской непосредственности. Мистер Филд, не отличавшийся особой наблюдательностью, верил, что за свежим личиком племянницы скрываются простодушие и женская покорность.

Виды Кассандры на замужество были несравненно лучше, чем некогда у ее подруги миссис Филд. Между собой жители Прощай-Милости давно решили, что Кассандра должна стать женой приходского священника мистера Генри Вудхоупа. Последний, судя по всему, находил эту мысль здоровой.

– Кажется, вы нравитесь мистеру Вудхоупу, Кассандра, – как-то заметила миссис Филд.

– Разве?

– У мисс Парбрингер хватает ума держать мнение о мистере Вудхоупе при себе, – откликнулась мисс Тобиас.

– Вовсе нет, – возразила Кассандра, – ничего я не скрываю. Если вы возьмете мистера Филда и несколько вытянете – так, чтобы он стал выше и стройнее, – то

получите мистера Вудхоупа. Он моложе, а потому гораздо покладистее и сообразительнее. Однако, как ни крути, на поверку мистер Вудхоуп окажется тем же мистером Филдом.

- Почему тогда вы не отвергаете его ухаживаний? – поинтересовалась миссис Филд.

- Замуж выходить все равно придется, а у мистера Вудхоупа перед прочими претендентами есть одно важнейшее преимущество – он живет в Прощай-Милости. Приняв его предложение, я не покину мою дорогую миссис Филд.

- Неужто ваши мечты не идут дальше брака с мужчиной, подобным мистеру Филду? – вздохнула миссис Филд.

Кассандра задумалась.

- Мне всегда хотелось побывать в Йоркшире, – отвечала она. – Все равно что оказаться в романе госпожи Радклиф[3 - Радклиф, Анна (1764–1823) – английская писательница, автор готических романов.].

- Нет там ничего особенного, – подала голос мисс Тобиас.

- Ах, мисс Тобиас, – воскликнула Кассандра, – что вы такое говорите! Где еще сохраняется магия, если не в Йоркшире? «Дни пройдут, и пройдут года, меня вспоминайте, молю. Над диким полем в мерцании звезд, летящего вслед Королю!» Вот что такое Йоркшир!

- Со времен Короля-ворона столько воды утекло! Йоркширцы обзавелись шлагбаумами, дилижансами, газетами, платными библиотеками[4 - Платные библиотеки пользовались популярностью в Англии на протяжении XVIII и XIX вв.; книги стоили дорого, и те, у кого не было денег на покупку, брали их на время за относительно небольшую плату. В значительной мере эти библиотеки ориентировались на женщин из среднего класса, и основную часть литературы в них составляли модные романы. К началу XX в. их практически вытеснили бесплатные публичные библиотеки.] и всем самым современным и заурядным!

- Вы меня огорчаете, – фыркнула Кассандра.

Мисс Тобиас служила гувернанткой в огромном старом доме, именуемом «Зимнее царство». Она приглядывала за двумя девочками. Их родители умерли, и жители Прощай-Милости любили судачить, что такой громадный мрачный дом с комнатами странных очертаний и причудливой резьбой – неподходящее место для сироток. Младшую из сестер и вправду одолевали непонятные страхи и страшные сны. Бедняжке казалось, что ее преследуют совы. Ничто в целом свете не страшило девочку сильнее. Кроме нее, сов никто и в глаза не видел, но кто знает? В древнем доме хватало щелей и отверстий и было предостаточно жирных грызунов, чтобы привлечь птиц. В деревне гувернантку не жаловали: слишком высокая, слишком начитанная и серьезная. Что самое удивительное, мисс Тобиас улыбалась только тогда, когда для этого находился повод. Впрочем, ее воспитанницы, мисс Урсула и мисс Флора, всегда хорошо себя вели и, кажется, души не чаяли в своей гувернантке.

В будущем девочкам предстояло стать богатыми наследницами, однако родственниками они были бедны как церковные мыши. Их единственным опекуном был кузен покойной матери. Сей джентльмен удосужился дважды навестить сироток и один раз прислал короткое письмо на Рождество. Однако капитан Уинбрайт носил красный мундир, посему мисс Урсула и мисс Флора все ему прощали и более всего на свете ценили его общество. Увы, приходится признать, что, несмотря на нежный возраст (девочкам к тому времени исполнилось восемь и четыре), они уже выказывали прискорбную слабость к военным, присущую их полу.

Говорили, что прадед девочек изучал магию. Мисс Тобиас часто пропадала в его библиотеке, но никто не знал, чем она там занимается. В последнее время в старый дом зачастили подруги мисс Тобиас – миссис Филд и мисс Парбрингер. Считалось, что они навещают сироток, ибо дамы (как всем известно) равнодушны к волшебству. Другое дело волшебники – дамы (что также общеизвестно) их просто обожают. Чем еще можно объяснить то обстоятельство, что мистер Норрелл был нарасхват в модных лондонских гостиных? Человек знаменитый, наряду с несравненными магическими талантами, невзрачным лицом и способностью за весь вечер ни разу не раскрыть рта, а также его ученик мистер Стрендж, душа общества и почти красавец, – перед этими двумя были открыты все двери. Вероятно, именно поэтому в один из погожих сентябрьских дней, когда лето встречается с осенью, мисс Кассандра Парбрингер обратилась к мисс Тобиас с вопросом:

– Вы читали статью мистера Стренджа в «Обзрении»? Что скажете?

– Мистер Стрендж выразил свои мысли с присущей ему ясностью слога. Любой, даже незнакомый с теорией и практикой магии читатель легко его поймет. Как обычно, он остроумен и тонок. В общем, превосходный образчик стиля. Мистер Стрендж – человек со способностями.

– Слышу речь гувернантки.

– Вас это удивляет?

– Мне хотелось бы услышать мнение не гувернантки, а... впрочем, не важно. Что вы скажете о его идеях?

– Я их не разделяю.

– Вот это-то мне и хотелось услышать!

– Вместо того чтобы творить магию, современные волшебники тратят силы на то, чтобы ее умалить, – вступила в разговор миссис Филд. – Только и слышишь, что тот или иной род волшебства слишком опасен (что не мешало практиковать его в старину). То говорят, что описание утеряно, то что оно никогда не существовало. Что до обитателей Иных земель, то о них мистер Норрелл и мистер Стрендж, кажется, слыхом не слыхивали. А если они и допускают их существование, то вряд ли опустятся до разговоров с ними. Нас учат, что Король-ворон – не более чем порождение воспаленной фантазии средневековых чародеев!

– Мистер Стрендж и мистер Норрелл намерены сделать магию такой же банальной, как они сами, – заметила Кассандра. – Наши прославленные волшебники просто боятся, что рядом с великой магией Короля их собственная обнаружит свое ничтожество!

Миссис Филд рассмеялась:

– Вечно Кассандра придирается к мистеру Стренджу!

Закончив обличать великого Стренджа и еще более великого Норрелла, дамы естественным образом перешли к порочности мужского пола в целом. Откуда

недалеко было до рассуждений о том, должна ли мисс Парбрингер выходить замуж за мистера Вудхоупа.

Тем временем мистер Стрендж (волшебник и второй феномен эпохи) сидел в библиотеке мистера Гильберта Норрелла (волшебника и первого феномена эпохи). Мистер Стрендж заявил, что ему необходимо покинуть Лондон на пару недель.

– Надеюсь, сэра, что мой отъезд не причинит вам больших неудобств. Статья для «Эдинбургского журнала»[5 - «Эдинбургский журнал» (точнее, «Blackwood's Edinburgh Magazine», по имени основателя Уильяма Блэквуда) издавался с 1817 г., поддерживал тори. Отличаясь воинственным духом, соперничал с «Эдинбургским обозрением» («Edinburg Review»), которое поддерживало вигов (в тексте «Дам из Грейс-Адъё» «Обозрение» упоминается чуть ранее). «Blackwood's Magazine» также упомянут в предисловии к повести «Том Ветер-в-Поле, или Как был построен волшебный мост в Торсби».] готова, если только вам не захочется внести туда поправки, с чем, полагаю, вы превосходно справитесь сами.

Мистер Норрелл хмуро поинтересовался, куда это собрался мистер Стрендж. Весь Лондон знал, что старый волшебник – тихий, сдержанный маленький человечек – и полдня не мог прожить без молодого. И то сказать, мистер Норрелл с трудом выносил, когда мистер Стрендж беседовал с кем-нибудь, кроме него самого.

– Я еду в Глостершир, сэра. Обещал миссис Стрендж навестить ее брата, который служит священником в одном из тамошних приходов. Разве я не упоминал при вас о мистере Генри Вудхоупе?

На следующий день в деревушке Прощай-Милость зарядил дождь, поэтому мисс Тобиас пришлось остаться в «Зимнем царстве». Весь день она провела с девочками, обучая их латыни («Наш пол – не повод ею пренебрегать. Когда-нибудь латынь может вам пригодиться») и рассказывая истории о том, как Томас Дандейл оказался пленником в Стране Фей и стал первым человеком на службе у Короля-ворона.

Наутро развиднелось, и мисс Тобиас решила отлучиться на полчаса, чтобы нанести визит миссис Филд. Воспитанниц она оставила на попечение бонны. Оказалось, что мистер Филд уехал в Челтнем – случай редкий, ибо, как говаривала миссис Филд, едва ли на свете есть другой такой домосед, как ее муж («Боюсь, мы сделали дом слишком для него уютным»). Поэтому мисс Тобиас задержалась в гостях подольше, не предполагая, что это может иметь дурные последствия.

На пути домой ей пришлось пересечь перекресток Грейс и Энджел-лейн, где стояла церковь, а напротив – дом приходского священника. Мисс Тобиас заметила, как элегантно ландо съезжает с дороги на аллею к дому. Она не узнала ни ландо, ни пассажиров, но удивилась, что экипажем твердой рукой правила дама. Рядом с самоуверенным видом – нога на ногу, руки в карманах – восседал джентльмен весьма примечательной наружности. «А он не так уж красив, – отметила мисс Тобиас, – нос слишком длинен. Впрочем, держится, словно писанный красавец».

Оказалось, что визиты на сегодня не закончились. Во дворе «Зимнего царства» стояла двуколка, запряженная парой резвых лошадок. Конюх Дэви обихаживал их под присмотром худого и неопрятного малого (очевидно, чей-то слуга, решила мисс Тобиас). Незнакомец привалился к стене, отделявшей огород, щурился на солнце и курил трубку. Когда мисс Тобиас проходила мимо, он задумчиво поскреб грязным пальцем голую грудь под расстегнутой рубашкой и ухмыльнулся.

На памяти мисс Тобиас громадный вестибюль «Зимнего царства» всегда выглядел одинаково: тишина, тени и пылинки в косых солнечных лучах. Ныне все изменилось – в вестибюле эхом отдавались громкие голоса и звонкий смех. Мисс Тобиас отворила дверь в столовую. Стол был уставлен лучшим хрусталем и столовым серебром, но еда лежала на тарелках нетронутая. Дорожные сундуки и коробки бросили где попало. Женская и мужская одежда в беспорядке валялась на полу. Мужчина в красном мундире сидел в кресле, держа мисс Урсулу на коленях. Он подносил к ее губам бокал с вином, а когда девочка собиралась сделать глоток, отводил руку. Оба заливались смехом. Впрочем, по покрасневшему лицу и возбуждению воспитанницы мисс Тобиас сделала вывод, что девочка уже отведала вина. Посреди учиненного разгрома в центре комнаты стоял другой военный (весьма привлекательной наружности) и весело смеялся. Младшая, мисс Флора, смотрела на всех огромными изумленными глазами. Мисс Тобиас подошла к ней и взяла девочку за руку. В глубине столовой

юная дама сидела за фортепиано и отвратительно наигрывала итальянскую песенку. Вероятно, она понимала, что ее игра никуда не годится, поэтому музицировала крайне неохотно: запиналась, вздыхала и совсем не выглядела довольной. Внезапно пианистка перестала играть.

Красавец в центре комнаты тут же обернулся к ней.

– Ну же, смелее, – прикрикнул он, – мы внимаем вам с наслаждением. Это так, – тут он подмигнул товарищу, – восхитительно! Мы решили обучить деревенским танцам моих маленьких кузин. Фред – лучший учитель на свете. Так что придется вам играть.

Дама неохотно продолжила.

В это мгновение мужчина, сидевший в кресле и, вероятно, носивший имя Фред, заметил мисс Тобиас. Он мило улыбнулся и извинился.

– Не тушуйся, Фред! – воскликнул красавец, стоявший посередине комнаты. – Мисс Тобиас нас простит, мы с ней давние приятели.

– Добрый вечер, капитан Уинб्राйт, – поздоровалась мисс Тобиас.

В это время мистер и миссис Стрендж с удобством расположились в уютной гостиной мистера Вудхоупа. Миссис Стрендж уже успела осмотреть дом, поговорить с экономкой, кухаркой, молочницей и служанками, а также конюхом, садовником и его помощником. Мистера Вудхоупа весьма интересовал женский взгляд на его домашний уклад. Он не позволил миссис Стрендж присесть, пока та не высказала одобрения дому, слугам и всему хозяйству. Будучи примерной сестрой, миссис Стрендж прилежно осмотрела владения брата, ободряюще улыбнулась слугам, постаравшись не слишком смутить их своими расспросами, и наконец объявила, что вполне довольна увиденным.

– Не сомневайся, Генри, – улыбнулась она, – мисс Парбрингер точно так же все понравится.

– Смотри, он покраснел. – Джонатан Стрендж поднял глаза от газеты. – Мы приехали только ради того, чтобы увидеть мисс Парбрингер, о которой ты так много писал.

– Правда? Надеюсь, мне удастся в скором времени пригласить миссис Филд с племянницей в гости.

– Незачем, – сказал Джонатан Стрендж. – Я купил подзорные трубы, и теперь нам ничего не стоит разглядеть из окна, как она ходит по деревне.

Стрендж действительно встал и подошел к окну.

– Генри, мне по душе твоя церковь, – обратился он к хозяину. – Эта низкая стена, что окружает и сжимает строения и деревья. Похоже на корабль. Задует сильный ветер, и церковь вместе с деревьями поднимется в воздух и перелетит куда-нибудь в другое место.

– Стрендж, – ответил Генри Вудхоуп, – ты, как всегда, говоришь глупости.

– Не обращай внимания, Генри, – сказала Арабелла Стрендж. – Он мыслит как волшебник, а они все немного сумасшедшие.

– За исключением Норрелла, – заметил Стрендж.

– Стрендж, прошу тебя как друга, забудь ты о магии хотя бы на время! У нас тут очень тихая деревушка.

– Дорогой мой Генри, – отвечал Стрендж, – я не уличный предсказатель в будке с желтой занавеской и не собираюсь торговать заклинаниями на вашем церковном дворе. Сегодня адмиралы, контр-адмиралы и министры его величества шлют мне учтивые письма, прося оказать услуги, и (что еще важнее) щедро их оплачивают. Сомневаюсь, что я по карману жителям Прощай-Милости.

– Что это за комната? – спросил капитан Уинбрайт.

– Спальня старого мистера Эндервилда, сэр, – ответила мисс Тобиас.

– Волшебника?

– Волшебника.

– А где он запрятал свои сокровища, мисс Тобиас? Вы прожили в доме достаточно долго, чтобы все здесь перерыть. Наверняка тут во всех щелях распиханы сокровища.

– Первый раз об этом слышу, сэр.

– Да ладно вам, мисс Тобиас! Зачем старикану понадобилась магия, если не ради поиска кладов? На что еще она годится? – Тут некая мысль встревожила капитана. – А они, случайно, не унаследовали семейные способности? Ну, дети. Хотя вряд ли. Женщины ничего не смыслят в магии.

– История знает двух женщин-волшебниц, сэр. Обе весьма почитаемы. Леди Екатерина Винчестерская, учившая Мартина Пейла, и дочь Грегори Авессалома Мария, которая более века была хозяйкой Призрачного дома.

Капитана несколько не заинтересовали ее слова.

– Покажите мне другие комнаты, – попросил он.

Они миновали еще несколько гулких коридоров, которыми, как и многими помещениями древнего мрачного дома, давно уже безраздельно владели мыши и пауки.

– Мои кузины – здоровые девочки?

– Да, сэр.

Капитан замялся:

– Надеюсь, это ненадолго. На свете столько детских болезней, мисс Тобиас! Я и сам лет в шесть-семь чуть не умер от кори. Они болели корью?

– Нет, сэр.

– Вот видите! Наши предки знали толк в воспитании. Они не слишком привязывались к детям, пока те не переболеют всеми детскими хворями. Мудрое правило. Не позволяй себе слишком привязываться к детям.

Капитан поймал взгляд мисс Тобиас и покраснел, но тут же рассмеялся:

– Ну-ну, я пошутил! И не надо смотреть на меня так сурово. Ах, мисс Тобиас, я все понимаю. Вы слишком долго тянули на себе весь этот дом, заботясь о моих кухнях, моих маленьких богатеньких кухнях. Женщине трудно в одиночку нести столь тяжкое бремя. Ваши плечики не созданы для этого. Теперь у вас есть я и Фред. Он тоже намерен стать их кузеном. Фред – большой любитель детей.

– А дама, капитан Уинбрайт? Она тоже останется в Прощай-Милости?

Капитан хитро прищурился. Его глаза сияли такой бесшабашной синевой, а улыбался он так искренне, что лишь женщина, обладающая хладнокровием мисс Тобиас, могла сдержаться и не ответить на улыбку.

– Только между нами, мисс Тобиас, один мой приятель-офицер дурно обошелся с этой дамой. Если бы не моя отзывчивость! При виде женских слез я размякаю и из меня можно вить веревки.

Несмотря на уверения капитана, когда они вернулись в столовую, созерцание женских слез (ибо юная дама плакала) подвигло его к грубости. Она тихо и как-то нерешительно позвала капитана. Он обернулся и прикрикнул на нее:

– Почему бы вам не вернуться в Брайтон? Нет ничего проще, сами знаете. Для вас это станет лучшим выходом...

– В Рейгейт, – тихо промолвила она.

Капитан бросил на нее раздраженный взгляд:

– Ну, или в Рейгейт...

У дамы было нежное робкое личико, большие темные глаза и вечно дрожащие губки в форме розового бутона. Такой красоте свойственно быстро увядать при малейшем дуновении горя, а в последнее время несчастья явно преследовали бедняжку. Она напоминала мисс Тобиас выпотрошенную тряпичную куклу – вначале чистенькую и пригожую, жалкую и грязную в конце. Дама подняла глаза на мисс Тобиас.

– Если бы я знала... – остаток фразы потонул в слезах.

Мисс Тобиас некоторое время хранила молчание.

– Полагаю, – наконец промолвила она, – вас никто не неволил.

Тем же вечером мистер Филд снова заснул в кресле, что в последнее время случалось с ним все чаще. Происходило так. Слуга приносил миссис Филд записку. Пока жена ее читала, мистеру Филду начинало казаться, что (по его собственным словам) сон опутывает его, «словно паутина». Спустя несколько секунд (по его ощущениям) мистер Филд просыпался, и вечер продолжался в привычном русле. Кассандра и миссис Филд все так же сидели по другую сторону камина. На самом деле мистер Филд действительно проводил в компании дам весьма приятные вечера – именно так, как он любил. То, что все это бедному недалекому джентльмену только снилось, нисколько не умаляло его удовольствия.

Вот и на сей раз, стоило мистеру Филду задремать, как миссис Филд и Кассандра заспешили по тропинке к «Зимнему царству».

В доме священника мистер Генри Вудхоуп и миссис Стрендж пожелали друг другу спокойной ночи, но мистер Стрендж остался в гостиной. Он углубился в «Жизнеописание Мартина Пейла» Таддеуса Хикмена. Стрендж успел дойти до двадцать шестой главы, в которой Хикмен рассуждает о некой теории, приписываемой Мартину Пейлу. Якобы в тяжелую минуту волшебник способен творить магию, которой никогда не учился и о которой слыхом не слыхивал.

– Нет, ну что за чушь! – с досадой воскликнул Стрендж.

– Спокойной ночи, Джонатан. – Арабелла поцеловала мужа в лоб прямо над насупленными бровями.

– Да-да, – пробормотал он, не поднимая глаз от страницы.

– А юная дама, – шепотом начала миссис Филд, – кто она?

Приподняв бровь, мисс Тобиас ответила:

– Она называет себя миссис Уинбрайт, впрочем, сам капитан с этим не согласен. По-моему, тут все ясно.

– А если что случится... ну, с детьми, – прошептала миссис Филд, – капитан Уинбрайт что-нибудь выиграет?

– Еще бы, он сразу разбогатеет. И неприятности, от которых он прячется, будь то долги или скандал, будут ему не страшны.

Три дамы вошли в детскую. Мисс Тобиас, закутавшись в шаль, уселась в темном уголке. В сумраке комнаты сияли две свечи, одна – у постели девочек, другая – на шатком столике у двери, чтобы никто не вошел незамеченным. Где-то в глубине дома, в конце длинных и мрачных коридоров, слышались мужской смех и пение.

Мисс Флора взволнованно спросила с кровати, нет ли в комнате сов.

Мисс Тобиас уверила воспитанницу, что никаких сов тут нет и в помине.

– Но ведь они могут появиться, – испуганно продолжила мисс Флора, – когда вы уйдете!

Мисс Тобиас отвечала, что они побудут еще немного.

– Если будете лежать смирно, мисс Парбрингер расскажет вам историю.

– Какую историю вы хотите услышать? – спросила Кассандра.

– О Короле-вороне, – отвечала мисс Урсула.

– Так и быть, – согласилась Кассандра.

И вот какую историю она рассказала:

«Когда Король-ворон еще не был королем, а был просто Вороненком, он жил в прекрасном доме с дядей и тетей. (На самом деле они были ему не родственники – просто добрый джентльмен и его жена, приютившие сироту.) Обычно дядя сидел в своей огромной библиотеке и читал магические книги. Однажды он позвал Вороненка и любезно поинтересовался его житьем. Вороненок отвечал, что всем доволен.

– Хм... ну хорошо, – сказал дядя Оберон, – но мне этого мало. Я твой опекун и защитник, человечесь дитя, поэтому мне нужно убедиться. Покажи мне сны, которые ты видел прошлой ночью.

Вороненок извлек свои сны, а дядя расчистил для них стол. Там лежало множество занятных вещиц: учебники по ненатуральной истории, схема связей между мужским двуличием и женской прямоотой (и как избавиться от первого и обрести второе), а также набор превосходных медных духовых в ящике красного дерева. Хитроумные инструменты измеряли честолюбие и зависть, любовь и самопожертвование, преданность государству и цареубийственные замыслы, а также прочие пороки и добродетели, которые не худо знать за своими ближними. Все это дядя Оберон сложил на полу – он был не слишком аккуратен, и ему часто за это пеняли. Затем дядя Оберон развернул сны Вороненка на столе и пристально всмотрелся в них сквозь очки в тонкой оправе.

– Ого! – воскликнул дядя Оберон. – Я вижу сон о высокой черной башне в дремучем заснеженном лесу. Стены башни торчат, как обломанные зубы. Черные взъерошенные птицы кружат над башней, а ты заточен внутри. Человечь дитя, когда ты видел этот ужасный сон, неужели ты не боялся?

– Дядя, – отвечал Вороненок, – прошлой ночью мне снилась башня, в которой я родился. Птицы приносили мне воду, когда я был так мал, что не мог даже ползать. Чего же мне бояться?

Дядя Оберон всмотрелся в другой сон и вскрикнул:

– А этот сон о злобных блестящих глазах и щелкающих челюстях? Человечье дитя, когда ты видел этот ужасный сон, неужели ты не боялся?

– Нет, дядя, – отвечал Вороненок, – прошлой ночью мне снились волки, которые вскормили меня и согрели своим теплом, когда я был так мал, что не мог даже ползать. Чего же мне бояться?

И снова дядя Оберон всмотрелся в сон Вороненка, вздрогнул и произнес:

– А вот сон о глубоком озере. Я вижу печальный дождливый закат. Зловещий молчаливый лес. По озеру скользит призрачная лодка. Лодочник стар и скручен, как древесный корень, лицо его в тени. Человечье дитя, когда ты видел этот ужасный сон, неужели ты не боялся?

И тогда Вороненок в гневе стукнул кулаком по столу и топнул ногой.

– Дядя Оберон! – вскричал он. – Ведь то была волшебная лодка и волшебный лодочник, которого вы с тетей Титанией сами за мной послали! Это он привез меня в ваш дом! Чего же мне бояться?

– Посмотрите-ка, – раздался третий голос, – а дитя гордится своей отвагой!

Говорил слуга дяди Оберона. До этого мгновения он изображал бюст мистера Вильяма Шекспира на высокой полке. Неожиданное появление слуги весьма удивило дядю Оберона, но не Вороненка, который никогда не забывал о его присутствии.

Слуга дяди Оберона взирал на Вороненка с высокой полки, а Вороненок смотрел на него снизу вверх.

– На земле и на небесах многие желают тебе зла, – промолвил слуга дяди Оберона. – Огонь хочет поглотить тебя. Мечи жаждут вонзиться в твою плоть. Вербки мечтают связать тебя. Тысячи и тысячи страхов, о которых ты даже не подозреваешь. Год за годом злобные создания будут похищать твои сны, пока ты не забудешь о том, кто ты есть; люди, которые еще не родились на свет,

будут проклинать тебя и замышлять недоброе. Пришло твое время бояться, человеческое дитя!

На это Вороненок отвечал:

– Робин Добрый Малый[б - Робин Добрый Малый, плутишка Робин, Пак, – наряду с Обероном и Титанией персонаж комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». В отличие от имени Оберона, заимствованного Шекспиром, вероятно, из старофранцузского романа о Гюоне Бордосском, или Титании, чье имя упоминается в метаморфозах Овидия и поэме Эдмунда Спенсера «Королева фей», Пак – исконный персонаж английских народных преданий и баллад. В пьесе Шекспира Robin Goodfellow появляется во втором акте (сцена первая). Наружностью твоей и обращением, Быть может, и обманываюсь я, Но, кажется, ты точно дух лукавый По имени Робин иль Добрый Друг. Не ты ль девиц пугаешь деревенских? То сливочки снимаешь с молока, То мельницы ручные их ломаешь, То не даешь хозяйке масла сбить, То не даешь закиснуть их напиткам! Не ты ль с пути сбиваешь пешеходов И тешишься их страхом и досадой? Но кто тебя зовет любезным Паком, Тем счастье приносишь ты с собой И сам за них работы исполняешь, Не ты ли, Пак? (Перев. Н. М. Сатина) Иль просто с виду ты ему подобен, Иль в самом деле ты Плутишка Робин, Лукавый дух. Не ты по деревням Девиц пугаешь? Зерна мелешь сам? Снимаешь сливки и часами сплошь Работнице сбить масло не даешь? Ты портишь дрожжи в пиве? Ты морочишь Ночного путника и вслед хохочешь? А кто тебя зовет «дружочек Пак», Тому ты рад помочь и так и сяк. Скажи мне, это ты? (Перев. М. Лозинского)], я всегда знал, что именно ты посылаешь мне эти сны, но я – человецье дитя, и потому я хитрее тебя. А когда все эти злобные создания придут за мной, я и их обману, ибо я – человецье дитя и вся каменистая, политая дождями английская земля принадлежит мне. Я – английское дитя, и весь воздух, наполненный биением черных крыл и слезами призрачных серых дождей, принадлежит мне. Так чего же мне бояться, Робин Добрый Малый?

С этими словами Вороненок потрянул волосами цвета воронова крыла и пропал.

Робин бросил тревожный взгляд на дядю Оберона, ожидая, что тот будет недоволен его дерзостью. Однако дядя Оберон (который был довольно стар) уже давно не вслушивался в разговор, а искал потерянную книгу. В книге содержалось заклинание, которое позволяет превратить членов парламента в полезных членов общества. Дядя Оберон как раз решил им воспользоваться, но обнаружил, что не может найти книгу (а ведь каких-нибудь сто лет назад он

держал ее в руках!). Поэтому Робин Добрый Малый ничего не сказал и преспокойно обратился Вильямом Шекспиром».

А в доме приходского священника мистер Стрендж по-прежнему читал книгу. Он добрался до сорок второй главы, в которой Хикмен рассказывает, как Мария Авессалом одержала победу над своими недругами. В Призрачном доме она показала врагам истинные отражения их сердец в зеркале. От столь мерзостного зрелища враги утратили отвагу (ибо в глубине души не сомневались в его правдивости) и бежали.

На затылке у мистера Стренджа было одно весьма чувствительное место. Его друзья знали, что, когда вблизи творилось волшебство, это место начинало зудеть и пощипывать. Вот и сейчас мистер Стрендж бессознательно почесал в затылке.

Сколько темных коридоров, размышляла Кассандра. Хорошо еще я знаю дорогу, а кто-нибудь другой непременно заблудился бы. Бедняжка успел бы изрядно перепугаться. Я-то помню, что большая лестница рядом, и совсем скоро я выскользну из дома и затеряюсь в саду.

Дамы решили, что миссис Филд останется присмотреть за детьми до утра, поэтому Кассандра отправилась домой в одиночестве.

Вот только (думала Кассандра) я не уверена, что это высокое, освещенное лунное окно на положенном месте. По-моему, оно расположено сзади или левее. Когда я входила, здесь его не было. Неужели я заблудилась? Как темно... Кажется, я слышу голоса этих негодяев в конце коридора. Они напились и понятия не имеют, кто я такая, а у меня нет никаких прав здесь находиться.

Кассандра плотнее закуталась в шаль.

- И чего я так переполошилась? - пробормотала она.

– Чертов дом! – воскликнул Уинбрайт. – Кругом одни жуткие темные коридоры. Что там, Фред?

– Всего лишь сова. Хорошенькая маленькая птичка. И как она сюда забралась?

– Фред, – снова начал Уинбрайт, прислонившись к стене и сползая вниз, – сбегай за моим пистолетом, будь другом.

– Слушаю, капитан, – воскликнул Фред, отсалютовал Уинбрайту и тут же забыл о своем обещании.

Капитан улыбнулся:

– А вот и мисс Тобиас!

– Сэр, – спросила мисс Тобиас, внезапно появляясь из темноты, – что вы тут делаете?

– В доме сова. Мы собираемся ее убить.

Мисс Тобиас оглянулась на птицу, кружащую в темноте, и торопливо промолвила:

– Неужели, сэр, вы совсем не боитесь старых суеверий? В таком случае советую вам заняться изданием атеистической энциклопедии. Я аплодирую вашему бесстрашию, джентльмены, но не разделяю его.

Мужчины молча уставились на нее.

– Разве вы не слышали, что совы принадлежат Королю-ворону? – спросила мисс Тобиас.

– Не пугайте меня, мисс Тобиас, – ответил капитан Уинбрайт, – а то я начну видеть во тьме венцы из вороньих перьев. Этот дом словно создан для подобных вещей. Черт возьми, что она себе позволяет, Фред? Ведет себя, словно моя гувернантка.

- Она похожа на вашу гувернантку? – спросил Фред.

- Кто ее знает? Сколько их было, и все меня бросали. Вы ведь не оставите меня, мисс Тобиас?

- Не знаю, сэр.

- Фред, – обратился к другу капитан Уинбрайт, – смотри, теперь сов уже две. Какие симпатичные пташки! Вы – настоящая Минерва, мисс Тобиас! Такая высокая и мудрая, такая суровая к нашему брату. Минерва с двумя совами. Кажется, вас зовут Джейн?

- Для вас я мисс Тобиас, сэр.

Уинбрайт уставился во мрак и вздрогнул:

- Помнишь йоркширскую игру, Фред? Когда детей посылают одних в темноту, чтобы призвать Короля-ворона. Какие слова при этом говорят?

Фред вздохнул и покачал головой:

- Что-то о съеденных сердцах – это всё, что я помню.

- Как они смотрят на нас, Фред! – воскликнул Уинбрайт. – Что за дерзкие создания. Я-то всегда считал, что совы – пугливые маленькие птички.

- Мы им не нравимся, – печально промолвил Фред. – А вот вы им по душе, Джейн. Смотрите, одна уселась к вам на плечо. Вы не боитесь?

- Нет, сэр.

- А эти перышки, – сказал Фред, – эти мягкие перышки между крылом и тельцем! Они пляшут, словно язычки пламени. Будь я мышкой, решил бы, что это адское пламя, готовое меня поглотить.

- Воистину так, – пробормотал Уинбрайт.

Мужчины молча смотрели, как совы кружат во тьме. Внезапно одна издала ужасный скрипучий звук, от которого кровь застыла в жилах.

Мисс Тобиас скромно опустила глаза, сложила руки на груди – олицетворение образцовой гувернантки – и промолвила:

– Они кричат, чтобы жертва окоченела от страха и обратилась в камень. Это древняя жестокая магия сов.

Никто не ответил ей. Коридор был пуст. Только женщина и совы (у каждой птицы что-то свисало из клюва).

– Проголодались, милые? – подбодрила их мисс Тобиас. – Ну, раз-два-три – и проглотили.

Около полуночи книга показалась мистеру Стренджу такой скучной, а ночь такой сладостной, что он решил выйти из дома в яблоневый сад. Изгороди в саду не было, только травянистый склон. Мистер Стрендж улегся под грушей с намерением поразмышлять о магии, но вскоре погрузился в сон.

Вскоре он услышал (во сне или наяву) женский смех и голоса. Подняв глаза, мистер Стрендж увидел трех дам в бледных одеяниях, которые, пританцовывая, шли по склону. Звезды окружали их, ночной ветерок шевелил складки их одежд. Дамы протягивали руки к ветру. Кажется, они и впрямь танцевали. Мистер Стрендж потянулся и блаженно вздохнул, решив (стоит ли этому удивляться), что видит сон.

Однако, поравнявшись с ним, дамы остановились рядом и посмотрели в траву.

– Что это? – спросила мисс Тобиас.

Кассандра вгляделась в темноту.

– Мужчина, – весьма уверенно заявила она.

– Боже милосердный! – воскликнула миссис Филд. – Какой мужчина?

– Самый обыкновенный, – отвечала Кассандра.

– Я имела в виду, джентльмен или простой человек?

Отряхиваясь от соломы, смущенный Джонатан Стрендж вскочил на ноги.

– Сударыни, – обратился он к незнакомкам, – простите меня. Я решил, что проснулся во владениях Короля-ворона, а фрейлины королевы Титании вышли мне навстречу.

Дамы молчали.

– Какие странные речи! – наконец промолвила миссис Филд.

– Простите, мадам, но я хотел лишь сказать, что сегодня – превосходная ночь (с чем вы вряд ли будете спорить). И я подумал, что эта ночь (в самом прямом и житейском смысле) – волшебная, поэтому счел вас порождением волшебства.

– Глупости! – воскликнула Кассандра. – Не слушайте его, дорогая миссис Филд. Мисс Тобиас, идемте.

Однако мисс Тобиас с любопытством посмотрела на мистера Стренджа и спросила:

– А вы, что вы знаете о волшебстве?

– Кое-что знаю, мадам.

– Тогда, – продолжила мисс Тобиас, – я дам вам хороший совет. Вам никогда не достичь успеха в магическом искусстве, пока вы придерживаетесь устаревших идей о Короле-вороне и обитателях Иных краев. Разве вы не знаете, что мистер Стрендж и мистер Норрелл давно доказали их несостоятельность?

Мистер Стрендж поблагодарил за совет.

– Мы могли бы еще многому вас научить... – сказала мисс Тобиас.

– Кто знает, – сказал Стрендж, скрестив руки на груди.

– ...однако у нас нет ни времени, ни желания.

– Жаль, – вздохнул Стрендж. – Возможно, вы еще передумаете, мадам? Мой последний учитель считал меня весьма способным учеником. Он уверяет, что я схватываю на лету.

– А как зовут вашего последнего учителя? – спросила мисс Тобиас.

– Норрелл, – тихо промолвил Стрендж.

Снова воцарилось недолгое молчание.

– Вы – волшебник из Лондона, – сказала Кассандра.

– Вовсе нет! – воскликнул уязвленный Стрендж. – Я – шропширский волшебник, а мистер Норрелл – йоркский, и мы никогда не считали Лондон своим домом! Мы оба – сельские жители и хотя бы в этом похожи.

– Мне кажется, сэр, что вашему характеру свойственна непоследовательность и противоречивость, – заметила мисс Тобиас.

– Действительно, мадам, вы не первая, кто мне об этом говорит. А теперь, сударыни, раз уж мы в самом скором времени увидимся снова, разрешите откланяться. Мисс Парбрингер, позвольте мне, в свою очередь, дать вам совет (не сомневаюсь, что ваш был продиктован самыми добрыми побуждениями). Волшебство, мадам, пьянит как вино, и если вы непривычны к нему, то рискуете быстро захмелеть. Хорошее заклинание развяжет язык самому робкому не хуже бутылки доброго красного вина. Как бы утром вы не пожалели о своих словах, сказанных ввечеру.

Стрендж поклонился и через сад вернулся в дом.

– Волшебник в Прощай-Милости, – задумчиво промолвила мисс Тобиас, – и именно сейчас! Впрочем, не стоит тревожиться заранее. Утро вечера мудренее.

Утро принесло вежливую записку от мистера Вудхоупа. Он выражал надежду, что дамы окажут честь его сестре и посетят дом священника этим же вечером. Приглашена была и мисс Тобиас, хотя обычно она не бывала с визитами в деревне (да и мистер Вудхоуп не очень ее жаловал).

Несмотря на терзавшую дам тревогу (а миссис Филд несколько раз даже высказала свои опасения вслух), мистер Стрендж встретил их весьма учтиво, поклонился каждой гостье и виду не подал, что помнит о вчерашней встрече.

Разговор вертелся вокруг самых обыденных тем. Дамам из Прощай-Милости мистер Стрендж показался весьма общительным и дружелюбным джентльменом. Их слегка насторожило, когда Арабелла Стрендж спросила мужа, отчего он сегодня так молчалив. Мистер Стрендж отвечал, что виной тому легкая усталость.

– Джонатан ночи напролет читает книги по истории магии, – обратилась миссис Стрендж к миссис Филд. – Дурная привычка, которая в конце концов истощает умственные способности волшебников.

Арабелла улыбнулась мужу, побуждая его сказать в ответ что-нибудь остроумное или дерзкое для поддержания беседы. Однако мистер Стрендж продолжал молча рассматривать гостей.

Вскоре мистер Вудхоуп встал и, поглядывая на мисс Парбрингер, с сожалением заметил, что вынужден покинуть дам – неотложные приходские дела требовали его присутствия. Он заявил, что не может обойтись без помощи мистера Стренджа, и тому пришлось последовать за шурином. Дамы остались в одиночестве.

Разговор коснулся журнальных статей мистера Стренджа, в особенности его утверждений, что Король-ворон никогда не существовал.

– Согласитесь, миссис Стрендж, – заметила Кассандра, – странное суждение для волшебника, ведь даже обычные историки указывают годы жизни короля в своих книгах – в четыре-пять раз длиннее обычной человеческой жизни.

Арабелла нахмурилась:

– Мистер Стрендж не всегда пишет то, что хочет, – гораздо чаще то, что велит ему мистер Норрелл. Мистер Норрелл изучал магию дольше любого джентльмена в Англии и, несомненно, извлек из своих занятий наибольшую пользу. Его мнение высоко ценят все, кто радеет о благе английской магии.

– Вероятно, вы хотите сказать, что мистер Стрендж по указке мистера Норрелла пишет то, во что сам не верит, – сказала Кассандра. – Будь я мужчиной (и, что еще важнее, волшебником) – ни у кого не пошла бы на поводу!

– Мисс Парбрингер, – с упреком пробормотала мисс Тобиас.

– О, я уверена, миссис Стрендж не обидится на мои слова, – воскликнула Кассандра, – просто я должна была высказать то, что думаю, особенно по этому поводу.

Арабелла Стрендж улыбнулась:

– Все не так просто, как вам кажется. Вот уже несколько лет мистер Стрендж изучает волшебство под руководством мистера Норрелла, который поначалу заявлял, что вообще не собирается никого учить. Он оказал нам большую честь, согласившись взять Джонатана в ученики. К тому же, как известно, в Англии только два настоящих волшебника! Идет война. Что будет, если они поссорятся? То-то обрадуются французы!

Дамы допили чай. Спокойное течение вечера нарушило одно незначительное происшествие – сначала Кассандра, а затем миссис Филд закашлялись, да так, что несколько мгновений миссис Стрендж опасалась за их здоровье.

Вернувшись, мистер Вудхоуп и мистер Стрендж гостей уже не застали. В коридоре стояли миссис Стрендж и служанка с белыми полотняными

салфетками в руках. За мгновение до того, как Стрендж поинтересовался, в чем дело, служанка что-то взволнованно объясняла госпоже.

- Что это? - спросил мистер Стрендж.

- Мы нашли косточки, - удивленно ответила жена. - Белые косточки каких-то мелких зверьков и две пустые шкурки. Вот вы, сэр, чародей, объясните-ка нам, в чем дело.

- Это мышинные кости и шкурки. Мышей съели совы. Смотри, шкурки вывернуты наизнанку. Разве не удивительно?

Однако объяснение мужа не устроило миссис Стрендж.

- Куда удивительнее другое, - заметила она. - Мы нашли эти косточки в салфетках, которыми мисс Парбрингер и миссис Филд вытирали пальцы и губы. Джонатан, только не говори мне, что наши гости питаются мышами!

Погода продолжала радовать жителей Прощай-Милости. Мистер Вудхоуп пригласил сестру, мистера и миссис Филд, а также их племянницу в холмы полюбоваться пейзажами и перекусить под сенью ветвей. Мистер Стрендж ехал верхом позади процессии. Он настороженно вглядывался в своих спутниц, а миссис Стрендж вслух удивлялась, что муж сегодня не похож сам на себя.

На следующий день Стрендж отправился на прогулку в одиночестве. Он объехал окрестности, расспрашивая фермеров и трактирщиков. Мистер Вудхоуп объяснял странное поведение гостя его всегдашней эксцентричностью, которая только увеличилась после того, как Стрендж поселился в Лондоне и возомнил себя столичной штучкой.

Однажды (это случилось в последний день визита Стренджей) миссис Филд, мисс Тобиас и Кассандра гуляли в пустынных холмах над Прощай-Милостью. Ветер, напоенный солнцем, шевелил высокие травы. Свет и тени сменяли друг друга с такой быстротой, что казалось, будто в небесах хлопают громадные двери. Кассандра давно уже сняла шляпку и сейчас раскачивала ее на ленточках. Внезапно она увидела джентльмена на вороной лошади, который

направлялся к ним.

Подъехав, мистер Стрендж принялся болтать о погоде и красотах пейзажа и за пять минут наговорил больше, чем за предыдущие две недели. Дамам нечего было сказать в ответ, но мистер Стрендж принадлежал к той породе джентльменов, которых подобные препятствия не смущают.

Он рассказывал им о своем удивительном сне.

– От деревенских жителей я слышал, что волшебнику не след пересказывать свои сны, чтобы неосторожно не впустить их в мир. По мне, так нет ничего глупее. Мисс Тобиас, вы изучали этот предмет. Что скажете?

Мисс Тобиас не ответила.

Стрендж продолжил:

– Сон приснился мне при весьма примечательных обстоятельствах. Прошлой ночью я положил под подушку некие косточки, которые попали ко мне в руки недавно. Узнай об этом миссис Стрендж, она бы не смолчала. Впрочем, полная откровенность между супругами иногда бывает излишней, не правда ли, миссис Филд?

Миссис Филд хранила молчание.

– Мне снилось, что я разговариваю с одним весьма привлекательным джентльменом. Я помню его черты совершенно отчетливо, хотя никогда не видал его раньше. Незнакомец долго не хотел пожимать мне руку – поначалу я не понимал почему. Он выглядел смущенным и слегка пристыженным. Наконец джентльмен протянул мне – нет, не руку, а крошечную лапку, покрытую серым мехом. Мисс Парбрингер, говорят, вы рассказываете деревенским детям волшебные истории. Не расскажете ли мне эту?

Мисс Парбрингер молчала.

– В день нашего приезда в Прощай-Милость прибыли и другие визитеры. Где они теперь? Где тот юноша – или то была женщина? – который сидел в двуколке? Я

видел хрупкую, закутанную в темное фигурку.

– Мисс Пай вернулась в Рейгейт в нашей коляске. Наш кучер Дэви отвез ее в родительский дом к матери и тетушке. Добрые женщины так любят бедняжку и уже не чаяли увидеть ее снова, – ответила мисс Тобиас.

– А Джек Хогг, слуга капитана?

Мисс Тобиас улыбнулась:

– Уразумев, что пребывание в Прощай-Милости не принесет ему ничего хорошего, он решил, что пора уносить ноги, – только его и видели.

– А где Артур Уинб्राйт? А Фредерик Литтлуорт?

Дамы молчали.

– Ах, сударыни, что же вы наделали?

После непродолжительного молчания заговорила мисс Тобиас:

– В тот вечер, после того как капитан Уинб्राйт и мистер Литтлуорт... нас покинули, я кое-кого видела. В противоположном углу коридора возникла смутная фигура – высокая и тонкая, а за ее плечами птицы били крыльями. Мистер Стрендж, я – женщина высокая, и крылья те бились за моими плечами.

– Это было ваше отражение?

– Отражение? В чем? В той части дома нет зеркал.

– И что же вы сделали? – спросил мистер Стрендж нервно.

– Я произнесла вслух слова йоркширской игры. Даже вы, мистер Стрендж, должны знать их. – Мисс Тобиас усмехнулась. – Кажется, мистер Норрелл родом из Йоркшира?

– «Приветствую тебя, повелитель, и призываю всем сердцем», – промолвил Стрендж.

Мисс Тобиас кивнула.

В разговор вступила Кассандра:

– Бедный вы, бедный, тяжело вам приходится. По указке мистера Норрелла пишете то, во что в глубине сердца не верите. Посмеете ли вы вернуться в Лондон и рассказать эту странную историю? Или решите, что Король-ворон, магия диких созданий и женская магия – пустые бредни, которые мистер Норрелл на дух не переносит? Вы не ровня нам, мистер Стрендж. Нас трое, и мы живем в ладу друг с другом. Вы, несмотря на ваши способности, живете в разладе даже с самим собой. Когда ваш разум и сердце заключат перемирие, возвращайтесь в Прощай-Милость – и тогда будете поучать нас, какую магию нам практиковать, а от какой воздерживаться.

Теперь пришел черед Стренджа замолчать. Дамы из Прощай-Милости пожелали волшебнику всего хорошего и удалились. Только миссис Филд на прощание одарила его улыбкой (надо признать, весьма жалостливой).

Спустя месяц после возвращения Стренджей в Лондон мистер Вудхоуп, к своему удивлению, получил письмо от политика сэра Уолтера Поула. Мистер Вудхоуп не был представлен этому джентльмену, тем не менее сэр Уолтер предлагал священнику богатый приход в графстве Нортгемптоншир, в местечке Грейт-Хизердейл. Мистер Вудхоуп решил, что щедрое предложение – дело рук Стренджа, ибо сэр Уолтер и Стрендж слыли друзьями. Священнику не хотелось оставлять Прощай-Милость и мисс Парбрингер, но он утешался мыслью, что прелестные юные дамы обитают и в Нортгемптоншире. Если же надеждам не суждено сбыться, что ж – богатство скрасит ему одиночество.

Узнав об отъезде мистера Вудхоупа, мисс Парбрингер только улыбнулась и в тот же день отправилась гулять на холмы, навстречу осеннему ветру. С ней были подруги – миссис Филд и мисс Тобиас – свободные (по выражению мисс Парбрингер), как ни одна женщина в Англии.

На Гиблом холме

С малых лет жила я в доме доктора Куинси, что на той стороне Гиблого холма. Иногда в зимние сумерки Гиблый холм (где обитает Чудный народец) казался мне длинным бурым кораблем посреди сумрачного моря. Далекие огоньки мерцали среди темных деревьев, словно серебристые звезды.

Матушка моя состояла при докторе кухаркой и прислугой по дому. Доктор Куинси (безобразный лик, словно плохо нарисованная лошадиная морда; скудная бороденка; тусклые слезящиеся глаза) был стар и учен. Добрая душа, старик сразу распознал во мне то, что укрылось от матушкиных глаз, ибо истинное мое призвание состояло вовсе не в том, чтобы сбивать масло, печь кексы и прясть, как мечталось матушке, а в изучении древней истории, латыни и греческого. Во всем этом доктор меня наставлял и желал приобщить также к древнееврейскому, алгебре и геометрии, но время сыграло с ним злую шутку, и прошлым летом старик покинул сию земную юдоль.

На следующий день после смерти доктора матушка испекла пять пирогов. Ныне злонамеренные завистники отверзают уста свои, и ложь вылетает оттуда и гуляет по свету, однако правда в том, что пироги (испеченные моей матушкой) были премаленькие. Терзаемая внезапным и великим голодом, я съела их все, что и стало причиной нашей ссоры. В сердцах матушка предсказала мне ужасные несчастья (бедность, брак с нищими, цыганами и прочие скорби). Однако, как говаривал мистер Обри[7 - Обри, Джон (1626–1697) – английский историк и антиквар, член Королевского научного общества, прославившийся краткими биографическими очерками о знаменитых современниках. Кроме того, множество старинных обычаев и историй об эльфах были бы навсегда потеряны для мира, если бы Джон Обри не упомянул о них в своих хрониках. Судебные тяжбы разорили наследника известного и богатого рода, поэтому большую часть жизни он прожил прихлебателем в знатных семействах, уповая на милость друзей. Джона Обри часто обвиняют в неточностях, отсутствии систематического подхода, использовании сомнительных материалов, слухов и сплетен. Впрочем, приводя в своих работах непроверенные сведения или непристойные анекдоты, он всегда указывал в примечаниях на сомнительность источника и зачастую был виноват лишь в том, что повторял слышанное от

других или виденное собственными глазами.], такую красу не скроешь, и вскоре я стала женой сэра Джона Соурестона и поселилась в Пайперс-Холле.

Пайперс-Холл – прелестнейшая старая усадьба, такая приветливая в погожие деньки. Возвели ее в незапамятные времена (думаю, еще при царе Соломоне). На лужайках вокруг дома высятся древние деревья; одеянные в мантии солнечных лучей, выше крыш возносят они свои кроны, словно величавые исполины из героических времен седой древности. Тенистые аллеи устилает длиннолистая мята и благоуханный тимьян. Когда в сумерках мы с Дафной ступали по травам, то словно ангелы ласкали нас своим чистым дыханием.

Сэру Джону Соурестону исполнилось тридцать два: среднего телосложения, кареглазый, длинноногий и статный. Он редко улыбался – не раньше, чем замечал улыбки на лицах других людей. С детских лет сэр Джон страдал великой меланхолией и приступами безудержного гнева, страшившими друзей, соседей и слуг, – словно некое злое божество, позавидовав дарам, коими сэра Джона щедро одарили небеса (молодости, красоте и богатству), наложило на него дурное заклятие.

В доме жил щенок, родившийся в день нашей свадьбы. Будучи трех-четырёх недель от роду и еще толком не умея ходить, он любил вскарабкаться на плечо сэру Джону, когда тот почивал после обеда, ибо не чаял в хозяине души. К несчастью, как-то раз, увидав в окно лошадиную морду, щенок от испуга изгадил сэру Джону камзол. Тогда мой супруг засунул бедняжку в мешок и утопил в пруду. Мы прозвали щенка Недотепой, ибо все на свете, как говаривала Дафна, приводило его в недоумение. Думаю, он так и не понял, за что его утопили. У сэра Джона было три громадных черных пса, и более всего на свете любил он охотиться с ними на Гиблом холме.

Спустя два месяца после свадьбы мы с сэром Джоном отправились в Кембридж, чтобы испросить совета у знаменитого лекаря – доктора Ричарда Блексуона. При себе у нас была склянка с мочой сэра Джона. Встав на колени, доктор Блексуон молился в чуланчике за черными бархатными занавесками. Вскоре в чуланчике объявился сам архангел Рафаил (как случалось всегда после молитв доктора Блексуона) и вперил взор в склянку с мочой. Доктор сказал нам, что по цвету мочи (красноватому, словно бы с кровью) архангел Рафаил доподлинно определил причину душевных терзаний сэра Джона. Сэр Джон нуждался в просвещенных беседах. Архангел Рафаил возвестил, что болящий должен собрать в доме своем ученых мужей, дабы там они упражняли свой разум в

философии, геометрии, риторике и механике. Слушая их речи, сэр Джон обратит свои мысли к материям возвышенным и приятным.

Сэра Джона так обрадовал совет, что всю обратную дорогу мы распевали баллады и веселились от души. Даже трое громадных черных псов сэра Джона возвысили свои голоса, славя ученого доктора Блексуона и архангела Рафаила.

Вечером я в одиночестве гуляла в саду среди героических деревьев, когда повстречала миссис Слопер (мою матушку).

Миссис Абигаиль Слопер (вдова, сухощавая и долговязая, лицо, формой напоминающее ложку, а цветом – зеленый сыр; прислуга и кухарка покойного доктора Иеронимуса Куинси) не находила себе места, когда доктор, назло ей, говорил на древнееврейском. Матушка считала слова доктора колдовским заклятием, я же понимала, что он всего лишь жестоко насмеяется над ее невежеством, но не могла отучить его от этого вздорного обыкновения. Бывая напугана, матушка разговаривала сама с собой; держала двух кошек (белых с голубизной) – Соломона Гранди (четырёх лет от роду) и Синешерстку (десяти лет), а еще телку Полли-Топотушку (одного года). В 1675 году матушка закопала синий горшочек с шиллингами под кустом красной смородины в саду доктора Куинси, однако после кончины доктора дом спешно продали, и с тех пор мысль о том, как вернуть свои сбережения, не выходила у нее из головы.

– Добрый вечер, дражайшая матушка, – поздоровалась я. – Войдите в мой дом и отведайте угощенья.

Матушка не отвечала. Она вглядывалась в сад, а сама все скатывала и раскатывала фартук.

– Ах! – вздохнула матушка. – Наконец. – (Разглядывая бук, словно обращалась к дереву.) – Дочка-то моя совсем от рук отбилась!

– Вовсе нет, – возразила я – что вы такое говорите! Поведайте, что гнетет вас, дражайшая матушка.

Однако она не ответила, а принялась расхаживать по саду, жалуясь кустам шиповника, что девочка ее выросла неблагодарной. Взывая к молоденьким апельсиновым деревцам, матушка сетовала, что дочь ее не любит свою мать.

– Ах, матушка! – воскликнула я. – Зачем вы заставляете меня ссориться с вами? Отчего не желаете сказать, что случилось?

Матушка закрыла лицо фартуком и жалобно зарыдала, затем внезапно отняла фартук от лица.

– Будь что будет! – воскликнула она (очевидно, обращаясь к каменному богу Юпитеру, который взирал на нее с изрядным презрением). – Помнишь ли ты тот день, когда старый доктор преставился, а я испекла пять пирогов, которые дочь моя съела до последней корочки?

– Ах, матушка! – воскликнула я. – И не надоест же браниться? Дались вам эти засохшие пироги! Они были такие маленькие!

– Нет уж, – отвечала она Юпитеру (словно статуя ей возражала). – Где это видано? Целых пять пирогов! Вот я и рассердилась, потому и сказала крошке Соломону Гранди и старушке Синешерстке, – (матушка имела в виду своих котов), – так вот, я и сказала им: а дочка-то моя съела сегодня аж пять пирогов! Целых пять! Тут я подняла глаза и увидела этого красавчика сэра Джона Соурестона. Он был верхом на своей любимой лошадке – сладкий, точно маслице! А сэр Джон возьми да и на Гиблом холме спроси меня: «О чем это вы толкуете, миссис Слупер?» Мне ли было не знать, что сэр Джон Соурестон положил глаз на мою дочку и что он высматривает ее сквозь заросли бузины? Что было делать – признаваться, что дочка моя съела целых пять пирогов? Вот я и придумала сказать, будто дочка сегодня напярля пять мотков пряжи...

– Нет! – вскричала я. – Матушка, не может быть! Неужто вы солгали сэру Джону?

– То-то и оно, что солгала, – отвечала она. – И дочке моей от этого вышло только благо. Ибо сэр Джон Соурестон выпучил свои глазища, словно плоски с шоколадом, и молвил: «Всемогущие звезды! Никогда о таком не слыхал! Миссис Слупер, в воскресенье я женюсь на вашей дочери».

«Вот так дела, – отвечала я, – и что ж теперь, дочка моя сможет вкушать любые яства, наряжаться в лучшие платья и беседовать с кем пожелает?»

«Так и есть, – отвечал он, – но в последний месяц первого года нашего супружества придется ей каждый день пряхь по пять мотков пряжи. А если...»

– Что «если», матушка? – в страхе вскричала я.

– О-хо-хо! – запричитала матушка. – Говорила я вам, что дочка моя совсем отбилась от рук? Ведь говорила! А я-то сделала ее важной дамой. Теперь у нее есть красавчик-муж, она может вкушать любые яства, наряжаться в лучшие платья и беседовать с кем пожелает, а где благодарность? Хорошо хоть, – и тут матушка с лукавым видом постучала пальцем по носу, – дочке моей ничего не грозит. Сэр Джон Соурестон до смерти ее любит, он и думать-то забыл про те пять мотков...

Так, оправдавшись перед кустами шиповника, буком и садовыми статуями, матушка удалилась восвояси.

Однако сэр Джон Соурестон ничего не забывал. Я знала, как знаю непреложно, что Чудный народец обитает на Гиблых холмах, в первый же день последнего месяца первого года нашего брака сэр Джон велит мне исполнить обещанное. Поначалу я готова была выплакать реки горячих слез, потом вспомнила о добродетельных римских матронах, о коих вещал доктор Куинси. Как бы ни были велики их страдания, ни слезинки не проливалось из их очей. Так напрасно ли в моей хорошенькой ангельской головке роилось столько умных мыслей? Неужто не найдется хитроумного способа обмануть подлую судьбу? И я решила не загадывать наперед и действовать по обстоятельствам.

Тем временем сэр Джон отправился в Лондон, чтобы отыскать ученых джентльменов, способных излечить его меланхолию. В деле сем мой супруг очень скоро преуспел, ибо оказалось, что нет ничего проще, чем уговорить сих достойных мужей пожить в доме богатого землевладельца за его счет. Сэр Джон свел знакомство с неким мистером Обри. Настойчивость сэра Джона вкупе с иными обстоятельствами (угрозой долговой тюрьмы!) заставила того согласиться не раздумывая.

Мистер Обри записывал все, что мог вспомнить, про обычаи былых времен. От него пахло бренди и мелом. С ног до головы ученый муж был испачкан чернилами, а изо всех карманов у него торчали рукописи. Мистер Обри был членом Королевского научного общества и моим добрым другом. Сей ученый

джентльмен составлял жизнеописания всех выдающихся мужей современности, дабы их заслуги не канули в Лету. Сам мистер Обри говорил, что подбирает щепы с разбитого брига Времени и раскладывает их на песке и все же самые ценные сокровища уносят воды забвения.

Много лет мистер Обри желал посетить наше графство, ибо, по его словам, оно славится хранителями старины, кои, в случае преждевременной кончины, оставят потомков без своих воспоминаний, если только кто-нибудь, радеющий об общественном благе, не запишет их. Мистер Обри давно уже лелеял эту мысль, но его останавливало отсутствие свободных средств и друзей, готовых с радостью и надолго предложить свой кров нежданному гостю. Некогда мистер Обри и сам владел обширными землями, поместьями, фермами, коровами, овцами и прочим имуществом, а также (я уверена) преогромными сундуками с серебром и золотом. Однако судебные тяжбы, злые родственники и превратности судьбы лишили его состояния. Ибо ничто не способно так измучить ученого мужа и погрузить его в пучину слез, говаривал мистер Обри, как судебное крючкотворство. Однако ныне, Миранда, говорил он, все мои горести остались позади, и просил у меня в долг три фунта.

Вскоре к мистеру Обри присоединились другие мужи, знаменитые своей ученостью. Мистер Милдрет, добрый и застенчивый джентльмен, словно присыпанный пылью, изучал насекомых, каковых в его коробке было ровно двести тридцать семь мертвых особей. Мистер Шепрет вычислил дату основания Лондона. Подобно дате рождения, число это позволило ему составить гороскоп города, и теперь мистер Шепрет знал его будущее. Доктор Фокстон неопровержимо доказал, что корнуольцы суть разновидность рыб. Борода доктора Фокстона вилась естественным образом, что, как известно, есть свидетельство мудрости.

Всю зиму просвещенные беседы ученых мужей изрядно развлекали сэра Джона. К несчастью, недуг, терзавший его, имел одну особенность. Все, что поначалу внушало сэру Джону особое удовольствие, впоследствии вызывало у него сильнейшее отвращение. К весне он называл ученых джентльменов не иначе как бесчестными и ненасытными мошенниками, а также неблагодарными пьяницами. Сэр Джон жаловался, что ученые мужи его объедают и манкируют своими занятиями, а за обеденным столом взирал на бедных ученых джентльменов так грозно, что те начисто утратили аппетит. Бедняги скромно жевали свои горбушки и пребывали в самом унылом расположении духа. Миновало лето, и неотвратимо приблизилась годовщина нашей свадьбы. Как ни

пыталась я выкинуть из головы мысли о предстоящем испытании, но только о нем и думала.

В тот день мы с моими учеными друзьями сидели под громадным буком, что рос у дверей Пайперс-Холла.

Мистер Милдрет вздохнул:

– Джентльмены, мы оказались плохими лекарями. Нам не удалось развеять печаль бедного сэра Джона.

– Истинно так, – согласился мистер Шепрет, – однако мы преуспели в другом. Леди Соурестон (он имел в виду меня) заметно повеселела, слушая наши ученые разговоры.

– В том нет нашей заслуги, – отвечал мистер Обри, – ибо Миранда всегда весела.

– Мистер Обри... – начала я.

– Слушаю, Миранда.

– Как странно, мистер Обри. Всю жизнь я провела у Гиблого холма, но мне так и не довелось увидеть никого из Чудного народца.

– Чудного народца? – удивился мистер Обри. – О ком ты толкуешь, дитя?

– Они живут на Гиблом холме. Или под холмом, точно не знаю. Пребольно щиплют бедную молочницу, метут пол, выпивают сливки и оставляют в башмаках серебряные пенни. Надев белый колпак и оседлав пук соломы с криком: «Лошадка и охалка!»[8 - Лошадка и охалка (Horse and Hattock) – выражение пришло из шотландского фольклора. Эльфы обрели крылья лишь в викторианской литературе, раньше им было свойственно передвигаться, используя пук соломы или капустную кочерыжку. По свидетельству Джона Обри, когда эльфы хотят магическим способом переместиться из одного места в другое, то выкрикивают: «Лошадка и охалка».] – летят в винные подвалы французского короля. Там пьют вино из серебряных кубков, а затем ищут повешенных злодеев, коих спасают, ежели им придет такая блажь.

– Ах вот оно что! – воскликнул доктор Фокстон. – Миранда толкует об эльфах.

– Именно так, – отвечала я. – О Чудном народце. Доктор Куинси уверял меня, будто в Англии они почти перевелись. Самой мне их видеть не доводилось, но старики из тех, что заслуживают доверия, наблюдали, как обитатели Гиблого холма, горестно понурясь, выезжают в широкий мир на косматых пони, как ныряют в мрачные подземные дыры или исчезают среди теней меж деревьев. Вот я и подумала, что нет для ученого мужа достойней цели, чем разузнать правду о Чудном народце, как нет в целом свете места, более подходящего для этой цели, чем Пайперс-Холл под Гиблым холмом, ибо там они обитают. Мистер Обри, известны ли вам заклинания, вызывающие эльфов?

– И не одно! – отвечал мистер Обри. – Мистер Ашмол[9 - Мистер Ашмол... – Элиас Ашмол (1617–1692) – основатель музея и библиотеки древней истории, изящных искусств и археологии при Оксфордском университете, член Королевского научного общества, увлекался также алхимией, астрологией и прочими эзотерическими материями.] (антиквар выдающийся, собравший в Оксфорде коллекцию древностей) записал несколько.

– Мистер Обри... – начала я.

– Да, Миранда?

– Не могли бы вы показать их мне?

Не успел мистер Обри ответить, как мистер Милдрет с хмурым видом поинтересовался, а работают ли эти хваленые заклинания?

– Почем мне знать, – пожал плечами мистер Обри.

– И кого же мы вызовем первым? – спросил мистер Фокстон.

– Королеву Титанию, – отвечал мистер Шепрет.

– Самого обычного эльфа, – предложила я.

– Почему, Миранда? – спросил мистер Шепрет.

– Они столько всего умеют! – воскликнула я. – Пекут пироги, собирают овец в гурты, сбивают масло, прядут пряжу...

И тут все ученые мужи стали надо мной потешаться.

– Все это умеют ваши служанки, Миранда, – сказал мистер Шепрет, отсмеявшись. – Нет, нас интересует собственное устройство эльфов, поэтому нам нужна их королева. Кроме того, она одарит нас своими дарами.

– Как же, – хмыкнул мистер Милдрет, – королева привечает только юных красавцев.

– А чем мы нехороши? – удивился мистер Шепрет.

Доктор Фокстон заметил, что из множества неудобств, возникающих в беседе с эльфами, самое неприятное, что в любое мгновение собеседники способны исчезнуть с глаз долой. Посему ученые джентльмены решили составить список вопросов, чтобы был под рукой.

Вопрос: есть ли у эльфов религия?

– В Корнуолле жила одна фея, – вспомнил доктор Фокстон. – Однажды она услышала, как священник читает молитвы, и спросила, будет ли даровано спасение и вечная жизнь таким, как она? «Нет», – отвечал ей священник. С криком отчаяния фея бросилась со скалы в бурное море.

(Эту историю доктору Фокстону рассказал один очень набожный господин, который не солгал ни разу в жизни. «Иначе бы я в нее не поверил», – заметил доктор, а мистер Милдрет, человек кроткий и мягкосердечный, всплакнул.)

Вопрос: вступают ли эльфы в брак?

Мистер Шепрет заявил, что эльфы не живут парами, как христиане и голубки, а владеют своими женщинами сообща.

– Хм! – возмутился мистер Милдрет.

– Ба! – удивился мистер Обри и быстро записал услышанное.

Вопрос: правда ли (как утверждают некоторые), что эльфы пришли в упадок и вовсе не так сильны, как прежде?

Вопрос: какова система правления эльфов – монархия или республика?

Вопрос: если у них монархия, правда ли (как мы слышали), что король и королева Страны Фей пребывают в ссоре?

Вопрос: правда ли, что их королева в одном над собой не властна?

Так, споря и ссорясь, ученые мужи сочинили сорок два вопроса, коими вознамерились мучить ни в чем не повинных обитателей Гиблого холма, буде с ними повстречаются. Тут мистер Фокстон заявил, что ни эльфам, ни христианам навязчивость не к лицу. Мистер Обри вздохнул и обещал уменьшить количество вопросов.

– Смотрите, сэра Джон Соурестон! – прошептал доктор Фокстон.

– Мистер Обри! – воскликнула я.

– Да, Миранда?

Однако я не успела ничего сказать, ибо сэра Джон позвал меня в дом.

– Дорогой мой, – обратилась я к сэру Джону, – отчего вы невеселы? Негоже, чтобы наши ученые гости видели вас столь мрачным. Они так стараются развеять вашу печаль!

– Куда мы идем, сэр Джон? – продолжала я. – Что это за лестница? Должно быть, ребенком вы играли в этой части дома и теперь хотите показать мне ваш тайник?

– Никогда не бывала в этой комнате, – забеспокоилась я. – А вот и три ваших пса сражаются за кости! Сэр Джон, неужели большущим псам по душе крохотная комнатенка? И зачем здесь лежит эта маленькая прялка?

– Миранда, – отвечал мне сэр Джон, – ты очень молода, и посему в обращении с тобою мне приходится обуздывать свой праведный гнев. Однако часто ты смотришь дерзко, а речи твои непочтительны и неподобающи для женщины.

– Ах нет, дорогой мой, вы ошибаетесь: когда я смотрю на вас, в глазах моих одна лишь любовь!

– Почему мне знать? – промолвил мой муж. – Иногда, Миранда, я готов тебе поверить, но сомнения возвращаются, чтобы терзать меня снова и снова. Разве людям, а особенно женскому полу, не свойственно лгать? Они выпитывают обман с материнским молоком. словно неразумные дети, обвиняют друг друга во всех грехах. Ложь и обман, которыми они опутывают меня всечасно, – (сэр Джон разумел слуг, соседей, поверенных, родственников и прочая, прочая), – жалят мою плоть, словно пчелы. Впрочем, меня не злят их укусы, но твоя ложь, Миранда, твоя ложь пронзает сердце, словно острый меч. Выходя за меня, ты клялась, что в день прядешь по пять мотков пряжи...

– По пять мотков! Да что вы, сэр Джон! Разве кому-нибудь по силам подобное!

– Надеюсь, Миранда, твои клятвы не окажутся лживыми. Жена, Миранда, – хранительница совести мужа и посему должна вести себя так, чтобы не испытывать его терпение, ибо злое это дело – подвергать ближнего искушению. Убить в гневе, Миранда, – это ли не грех?

Сэр Джон заплакал, но не надо мной проливал он свои слезы. Он оплакивал свою злосчастную судьбу, словно моя смерть огорчила бы только его, а мои страдания не в счет.

– Не терзайте себя, дорогой мой, – промолвила я весело. – Нить, что я спряду для вас, будет тонкой и мягкой. Мы с Дафной сошьем из нее рубашки, и всякий раз, когда ткань будет лнуть к вашей коже, вам будет казаться, будто это я припадаю к ней губами.

Однако сэр Джон запер дверь и удалился.

Из окна я видела ученых джентльменов, сидевших под буком. Они обрадовались, когда сэр Джон ушел. Когда сумерки сгустились, ученые мужи выпили за здоровье друг друга и запели балладу времен своей юности про пастушку – ту, что так любят петь некоторые джентльмены. На прощание ученые мужи, взявшись за руки, спели про пастушку еще раз, засим отправились почивать.

Дверь кухни отворилась, и на лавандовые кусты упал свет от очага. Выглянула Дафна. (Дафна Бабраhem: служанка леди Миранды Соурестон, то есть моя; светлые волосы, пахнет розмарином и прочими приятными вещами; владелица двух платьев, синего и красного). Дафна тихо позвала: «Мадам, где вы, мадам?» Затем она прошлась по дорожке, оглядываясь по сторонам и удивляясь, куда я запропастилась. Дафна боялась, что сэр Джон уже утопил меня в пруду.

– Ах вот вы где! – воскликнула она, заметив меня в окне. – Что вы там делаете? Откуда выходит это оконце? Я иду к вам, голубушка!

– Нет, – отвечала я, – ступай в постель. Сегодня мне захотелось переночевать в этой комнате.

– А что за ужасные звуки я слышу?

– Собаки охраняют мой сон, – отвечала я. – Доброй ночи, голубушка. Благослови тебя Господь. Я ни капельки не боюсь.

Всю ночь псы рычали и вздрагивали во сне. Наверное, им снилось, что они гонят оленя по Гиблому холму.

Утром сэр Джон принес кудель и еду, снова запер меня и удалился. Серебристый туман за окном скрывал очертания Пайперс-Холла. Все, что ни есть на белом свете (как то: деревья, изгороди, фонтаны, статуи, жилища людей, скота, кур,

пчел, лошадей и прочая), таяло в сером мареве. За Гиблым холмом разлилось золотистое сияние, но солнце еще не выглянуло из-за кромки леса. Запели птицы, и серые розы опустили головки под тяжестью капель росы.

Четыре серые фигуры в длинных мантиях приближались к буку, что рос у дверей Пайперс-Холла. Один из обладателей мантии чихнул и пожаловался на утреннюю свежесть, не слишком благотворную для здоровья. Другой посетовал, что за ужином съел слишком много сыра и маринованной селедки. Третий страшился, что Чудный народец его похитит.

У доктора Фокстона была волшебная шляпа, которая (как он полагал) в древности принадлежала злему старому чернокнижнику Саймону Форману[10 - Саймон Форман (1552-1611) - знаменитый английский врач, астролог, оккультист и травник. Многотомный архив Саймона Формана, содержащий его ученые труды и врачебные записи, был куплен у наследников его ученика астролога Ричарда Нейпира собирателем древностей Элиасом Ашмоллом и ныне хранится в Бодлеанской библиотеке.]. Сейчас доктор нахлобучил шляпу на голову. Солнце показалось из-за кромки Гиблого холма. Звонким голосом доктор Обри начал читать заклинание, в коем магических слов было, как слив в пудинге.

- Я, Джон Обри, призываю тебя, о королева Титания, именем...

Я послушно внимала и повторяла за ним слова заклинания. Только там, где доктор Обри произнес «королева Титания», молвила: «Pharisee Vulgaris»[11 - Pharisee Vulgaris - эльфус вульгарис, или эльф обыкновенный (англ. диалектн., лат.). Pharisee - саффолкское название фей (эльфов). Слово fae или faerie пришло в староанглийский из старофранцузского и происходит от латинского «фата» - парка, сохранившегося в таких сочетаниях, как «фата-морганя». Долгое время оно бытовало в форме phairie (в частности, так в «Демонологии» короля Якова I). Pharisee (farisee) возникло в саффолкском диалекте из формы множественного числа и как омоним слова «фарисей» частенько приводило к недоразумениям, в том числе к попыткам доказать существование фей при помощи Библии.].

- ...заклинаю, строго наказываю и повелеваю Тетраграмматоном, Альфой, Омегой и прочими возвышенными и чтимыми...

Туман над Пайперс-Холл порозовел и засеребрился. Из сада донесся шорох, но то лишь три птицы вспорхнули с ветвей.

– ...смиренно снизойди к моему искреннему и чистосердечному рвению, без обмана, мошенничества и притворства разреши мои сомнения и удовлетвори мое любопытство, исполни все, о чем прошу...

Туман над Гиблым холмом подернулся позолотой. В курятнике раздалось шуршание, но то лисица спешила укрыться в лесу.

– ...спеши, спеши, спеши, приди, приди, приди. Fiat, fiat, fiat, amen, amen, amen...[12 - Fiat, fiat, fiat, amen, amen, amen... – Да будет, да будет, да будет, аминь, аминь, аминь (лат.).] – Мистер Обри помедлил. – Etcetera[13 - Etcetera – и так далее (лат.).], – закончил он торжественно.

Туман над Гиблым холмом обратился каплями воды. Что-то зашумело под окном, но я не поняла, что это было.

Наступило долгое молчание.

– Всем известно, что королеве Титании нельзя доверять, на редкость взбалмошная и капризная особа, – наконец вздохнул доктор Фокстон.

– Может быть, ей не пришлась по вкусу ваша шляпа? – парировал мистер Шепрет, желая поддеть собеседника.

Внезапно псы взвыли, запрыгали и заметались как оглашенные. Они никак не хотели угомониться, и я в страхе забилась в угол.

– Женщина, – произнес голос, – о чем ты плачешь?

– Ах! – воскликнула я. – Ты дух?

Маленький и черненький. Волосатый. Кривенькие ножки, как ручки у кувшина. Невзрачное личико. Длинный черный хвост. Я удивилась – всем известно, что у ирландцев хвосты достигают четверти ярда, но мне еще не доводилось слышать о хвостатых эльфах.

- Ты добрый дух или злой? - спросила я.

Вертя длинным черным хвостом, гость, казалось, обдумывал вопрос.

- Не твое дело, - наконец буркнул он. Затем мотнул головой в сторону окна. - Там, на лужайке, столпились четверо упрямых старцев в нелепых потрепанных шляпах.

- Видно, они расстроены, что их заклинание не возымело силы, в отличие от моего, какое привело тебя ко мне!

- Что мне за дело до пустых старых заклинаний? - возмутился чернявый, ковыряя в зубах чем-то похожим на старую заячью кость. - Я спрашиваю, о чем ты плачешь?

И тогда я рассказала ему свою историю, начав с пирогов (которые были премаленькие), а закончив пятью мотками пряжи.

- Буду откровенна, о дух, - промолвила я, - истинное мое призвание состоит в изучении древней истории, латыни и греческого. Мне проще взлететь, чем усесться за прялку.

Дух задумался над моей бедой.

- Ну, с прялкой-то я справлюсь, - наконец промолвил он. - Утром я буду подходить к твоему окну и забирать кудель, а вечером приносить пряжу.

- Как мне благодарить тебя за щедрость? - воскликнула я. - Впрочем, я и раньше слышала, что Чудный народец всюду творит добро и ничего не просит взамен.

- Где это ты такое слышала? - Гость почесал под мышкой. - Тебя обманули, женщина.

- Ах, может ли это быть!

Дух зыркнул на меня черненькими глазками и молвил:

– Каждый вечер я буду трижды спрашивать у тебя свое имя, и если через месяц ты не угадаешь его, то станешь моею!

– Думаю, за месяц я справлюсь.

– Думаешь, справишься? – засмеялся дух и завертел хвостом – Ответь-ка мне, как зовут этих псов.

– Ну, это нетрудно. Их зовут: Платон, Сократ и Евклид. Сэр Джон сказал мне.

– А вот и не угадала, – отвечал дух. – Одного зовут Злой, второго Злее, а третьего Самый Злой. Они сами назвали мне свои имена.

– Вот как, – удивилась я.

– Может статься, – с довольным видом заявил дух, – что ты и своего-то имени не знаешь.

– Миранда Слопер, – отвечала я, – тьфу... то есть Соурестон.

– Женщина, быть тебе моею! – рассмеялся дух и упорхнул, прихватив кудель.

Весь день в комнатке висел полумрак от листьев, что кружились за белыми стенами.

Когда сумерки снаружи уподобились полумраку внутри, дух вернулся.

– Добрый вечер! – сказала я. – Как поживаешь, о дух?

Мой чернявый знакомец насупился:

– Серединка на половинку. Болят мои старые ушки, гудят мои старые ножки...

– Ох, – вздохнула я.

- Держи свои мотки, - сказал дух. - А теперь скажи, женщина, как меня зовут?

- Ричард? - предположила я.

- Нет, не Ричард, - отвечал дух и завертел хвостом.

- Тогда, может быть, Джордж?

- Нет, не Джордж. - И мой чернявый знакомец завертел хвостом еще пуще.

- Неужели Никодимус? - не сдавалась я.

- Вот и не угадала, - молвил дух и был таков.

Как ни удивительно, но шагов сэра Джона я не слышала, только заметила среди мелькающих теней на стене его длинную тень. Увидав пять мотков пряжи, сэр Джон был потрясен до глубины души.

Каждое утро муж приносил мне кудель и еду. Собаки радовались хозяину, но разве можно сравнить их оживление с тем восторгом, с коим встречали они моего чудесного спасителя! Псы ластились и обнюхивали его, словно дух источал нежнейший аромат роз. Я перебирала в уме все имена, какие знала, но не могла угадать искомое. Каждый вечер мой чернявый знакомец приносил мотки и каждый вечер придвигался все ближе и все радостнее вертел хвостом.

- Женщина, - смеялся он, - быть тебе моею!

И каждый вечер сэр Джон забирал пряжу, чтобы на следующий вечер снова поразиться моим успехам, ибо он знал, что три злобных сторожа не пустят ко мне никого из людей, кроме своего хозяина.

Однажды, когда месяц подходил к концу, я выглянула в окно и увидела слуг, которые с печальными лицами покидали Пайперс-Холл. Среди толпы я заметила светлую головку Дафны. Девушка заливалась слезами.

Ученые мужи, сидевшие под буком, казалось, были удивлены не меньше моего.

– Сэр Джон! – воскликнул мистер Обри. – Куда уходят слуги? Кто будет ухаживать за леди Соурестон?

(Сэр Джон говорил всем, что я больна.)

Сэр Джон пригнулся и сказал что-то, чего я не расслышала. Казалось, слова сэра Джона несказанно удивили ученых мужей.

– Разумеется, нет! – воскликнул мистер Шепрет.

Мистер Обри помотал головой.

Мистер Фокстон торжественно промолвил:

– Мы – джентльмены и ученые, сэр Джон, а не пряхи.

– Сказать по правде, – заметил мистер Милдрет, – прясть-то я не умею, а вот пирог испечь могу. Я читал об этом в книге и, думаю, справлюсь. Нужно взять муку, чистую воду, немного изюма, начинку, какую вы любите, еще, наверное, несколько яиц, а затем...

Доктор Фокстон (некогда служивший учителем в начальной школе) стукнул мистера Милдрета по макушке, чтобы тот замолчал.

После ухода сэра Джона ученые мужи стали жаловаться друг другу, что в последнее время Пайперс-Холл стал неуютен и угрюм. Быть может, пришло время оставить усадьбу и вернуться в широкий мир, вопрошал мистер Шепрет. Затем ученые мужи решили дождаться выздоровления леди Соурестон, которая была так к ним добра. Тут мистер Милдрет поднял глаза.

– Так вот же она! – воскликнул он. – Я вижу леди Соурестон в окошке меж листы!

– Миранда! – вскричал мистер Обри.

Доктор Фокстон помахал мне шляпой, мистер Шепрет послал мне двадцать воздушных поцелуев, мистер Милдрет от избытка чувств прижал руки к груди, а

мистер Обри радостно заулыбался.

- Доброе утро, мои ученые друзья! - крикнула я. - Обнаружили вы свою королеву эльфов?

- Нет, - отвечал доктор Фокстон, - но мы придумали еще восемьдесят четыре вопроса, чтобы задать ей их, когда она появится.

- Вам стало лучше, Миранда? - спросил мистер Обри.

- Надеюсь, что поправлюсь до конца месяца. Рассказать ли вам, мои ученые друзья, о странном сне, который приснился мне наемдни? Мне снилось, что если ученый муж хочет призвать волшебное существо, то прежде всего должен узнать его настоящее имя.

- Ты права, Миранда, - сказал мистер Обри, - у многих эльфов есть тайные имена.

- Известны ли они вам? - крикнула я.

Ученые мужи склонили головы. Завязался нешуточный спор. Затем все они согласно закивали.

- Нет, - ответил за всех мистер Обри, - нам они неведомы.

Наконец настал мой последний день. Рано утром я выглянула из окошка и увидела, как волнуется листва под струями холодного дождя над Гиблым холмом. Когда сэр Джон принес кудель и еду, я поведала об этом ему.

- На Гиблом холме водятся олени, - задумчиво промолвил сэр Джон.

- И не только олени! - подхватила я. - Помню, как после нашей свадьбы вы твердили мне, что не знаете большего наслаждения, чем охотиться на Гиблом холме и, сразив добычу, вернуться домой, где вас ждет поцелуй верной Миранды. Возьмите с собой этих славных псов, дайте им вдохнуть ароматы трав на Гиблом холме. Отправляйтесь-ка на охоту вместе с вашими учеными гостями, сэр Джон!

Сэр Джон нахмурился, размышляя, что месяц еще не закончился, а стало быть, собакам надлежит оставаться подле меня, но мог ли он устоять перед сладостным ароматом лесов, что проникал в окно вместе с ветром?

Я слышала, как, сидя в тени бука, мистер Шепрет и мистер Обри радовались тому, что сэр Джон забыл обиды и пригласил их поохотиться. У доктора Фокстона была особая охотничья шляпа, каковую он немедля и нахлобучил. Затем сэр Джон, ученые джентльмены и егеря вскочили в седла и поскакали в сторону Гиблого холма, а Злой, Злее и Самый Злой мчались впереди, обнюхивая все, что попадалось по пути.

Дождь зарядил на весь день. И весь день новые слуги сэра Джона отлынивали от работы, ибо не осталось никого из старых слуг, чтобы их образумить. Хлеба полегли. Лопасты маслобоек не крутились. Ножи и серпы затупились от неумелых рук. Ворота были распахнуты настежь. Коровы и лошади забредали в поля, ломали изгороди и топтали посевы. Какие-то негодные мальчишки забрались в сад и объелись яблок. По всему дому только и слышны были крики и ругань новых слуг.

Пришло время явиться моему чернявому знакомцу, но его не было.

В летних сумерках серые кролики резвились в саду, прежде чем забраться в огород полакомиться салатом. В лесу ухали совы, лаяли лисы.

Последние солнечные лучи угасли за Гиблым холмом. Сейчас придет сэр Джон, чтобы убить меня. Время шло, а он не появлялся.

– Миранда!

– Добрый вечер, дорогие мои ученые друзья! Какого зверя вы добыли на охоте?

– Никого мы не добыли, Миранда! – вскричал мистер Милдрет в великом волнении. – Мы пришли, чтобы поведать об удивительном событии, каковое с нами приключилось. Стоило нам добраться до Гиблого холма, как Платон, Сократ и Евклид (он говорил о собаках, которых дух именовал Злым, Злее и Самым Злым) помчались так, словно спешили на встречу с лучшим другом, коего не чаяли обнять. Лошади понесли, и мы были не в силах их укротить. Собаки

привели нас на ту сторону холма, где никто из нас не бывал. Громадный олень-самец с блестящими дождевыми каплями на крапчатых боках выскочил прямо перед нами и взглянул так, словно он – Владыка всех живых созданий, а мы недостойны называться людьми. Лисы перебежали дорогу и смотрели нам вслед. Серые крольчата без страха взирали на нас из своих каменных колыбелек. Однако Платон, Сократ и Евклид неслись вперед сломя голову, лошади мчались за ними, и мы не успевали изумиться всем чудесам...

– Так все и было! – воскликнул мистер Шепрет. – А потом какой-то угрюмый тип из егерей крикнул, что нас занесло в подземное королевство, где звери мстят охотникам за обиды, причиненные на земле. Доктор Фокстон вспомнил о диких скачках, что длятся вечность, о заколдованных всадниках, что страшатся прыгнуть, ибо, коснувшись земли, рассыплются в прах. Но мистер Обри призвал нас уповать на Всевышнего и не страшиться...

Неожиданно мы остановились у зеленой лужайки среди темного леса, поросшей цветами. Тот угрюмый тип крикнул, что таких цветов нет нигде в целом свете! Однако сэр Джон обозвал его болваном и заявил, что знает все названия не хуже собственного имени, ибо это пастушкины слезки, девичьи застежки и бродяжий гребень. В самом центре лужайки мы обнаружили меловую яму, скрытую высокими травами и цветами, названия которых знал сэр Джон. Оттуда доносилось жужжание. Слуги отогнали собак (к их величайшему неудовольствию), а мы заглянули вниз. И как вы думаете, кого мы там узрели?

– Не ведаю, доктор Фокстон.

– Бесенка, Миранда! И чем, по-вашему, он занимался?

– Откуда мне знать, доктор Фокстон?

– У него была маленькая прялка, которую он вращал с удивительной скоростью, вертя при этом своим длинным черным хвостом. «Скорее, – воскликнул тогда мистер Шепрет, – скорее говорите ваше заклинание, мистер Обри!» И он прыгнул в яму, а мы – за ним.

– Удивительная история! – воскликнула я. – И что же сказало вам волшебное существо?

– Ничего, – сердито отвечал доктор Фокстон. – Мы задали ему все сто сорок семь вопросов (именно поэтому мы так задержались и опоздали на обед), однако нам попался самый невежественный дух на свете!

Мы замолчали.

– Однако он вас выслушал, – заметила я. – Странно. Что же помешало ему явиться в первый раз?

– Дело в том, Миранда, – ответил мистер Обри, – что в первый раз мы не знали его имени. Стоило нам произнести заклинание и назвать бесенка по имени, и ему пришлось выслушать нас, как ни жаждал он вернуться к своим куделям. Мы узнали его имя случайно, из песенки, которую бесенок распевал, причем прескверной. Выдающийся мастер прялки, Миранда, но отнюдь не поэт. Волшебные существа любят петь, но зачастую обделены поэтическим талантом. Так и будут твердить одну и ту же строчку, пока какая-нибудь добрая душа не подскажет им другую.

Мы снова помолчали.

– И что же он пел? – спросила я.

– «Нимми-нимми-нот, мое имя Том-Тит-Тот», – ответил мистер Обри.

– Меня радует, дорогие мои ученые друзья, – промолвила я, – что вам довелось повстречать волшебное существо, но куда более мое сердце греет то, что вы вернулись домой целыми и невредимыми. Ступайте обедать, хотя, боюсь, еда покажется вам скудной.

И вот с пятью мотками пряжи в руках из вечернего тумана возник мой чернявый знакомец. Сначала я загадала Соломона, потом Зеведея, а после назвала его истинное имя, и бедному Том-Тит-Тоту пришлось с воем убраться восвояси в свою холодную одинокую нору.

Затем с охоты вернулся сэр Джон, хмурый и мрачный, на лошади – черной, как буря. Следом за ним бежали Злой, Злее и Самый Злой. Но стоило ему увидеть пять мотков пряжи, как он взял меня за руку, и мы отправились пировать вместе с нашими учеными гостями. На радостях они тут же сочинили славную песенку о четырех джентльменах, которым довелось повстречать волшебное существо. Все наши добрые слуги вернулись домой, и каждый получил по шестипенсовику, чтобы выпить за здоровье сэра Джона.

– Я собираюсь записать эту историю, – сказала я мистеру Обри. – Подскажите, откуда начать.

– Ах, Миранда, – отвечал он, – начни, откуда пожелаешь, но не медли, покуда воспоминания еще свежи в твоей хорошенькой головке. Ибо, поверь мне, они подобны мотылькам – и не заметишь, как выпорхнут из окошка. Если бы все, что я забыл, сгрузить на корабли его величества, весь королевский флот пошел бы ко дну!

Среди многочисленных использованных источников автор хочет особенно отметить замечательный вариант сказки о Том-Тит-Тоте на суффолкском диалекте, изданный в 1898 году фольклористом Эдвардом Клоддом.

Миссис Мабб

В конце весны 18... года одна дама, живущая в деревушке Киссингленд в Д...шире, пребывала в горьком разочаровании.

Из письма миссис Фанни Хокинс, адресованного миссис Кларе Джонсон:

«...И я уверена, дорогая моя Клара, когда я расскажу вам, что произошло, вы поймете мою досаду. Несколько месяцев назад моей сестре, мисс Мур,

посчастливилось пленить армейского офицера. Капитан Фокс с самого начала оказывал Венише решительное предпочтение, и я питала большие надежды видеть ее прилично устроенной, но вдруг, как удар злой судьбы, она получила письмо от знакомой дамы из Манчестера, которая заболела и нуждалась в заботе. Можете вообразить, как мне не хотелось, чтобы Вениша в такой момент покидала Киссингленд, но, несмотря на все мои уговоры, она настояла на том, чтобы предпринять это затруднительное путешествие, и теперь, боюсь, она слишком сильно наказана за свое упрямство, поскольку в ее отсутствие презренный капитан Фокс совершенно забыл о ней и стал уделять внимание другой даме, нашей соседке, миссис Мабб[14 - Маб - королева фей из монолога Меркуцио в «Ромео и Джульетте». Все королева Маб. Ее проказы. Она родоприемница у фей, А по размерам - с камушек агата В кольце у мэра. По ночам она на шестерне пылинок цугом ездит Вдоль по носам у нас, пока мы спим. В колесах - спицы из паучьих лапок, Каретный верх - из крыльев саранчи, Ремни гужей - из ниток паутины, И хомуты - из капелек росы. (Перев. Б. Пастернака)]. Можете быть уверены, что, когда сестра вернется, я буду ссориться с нею по этому поводу...»

Доброе намерение Фанни Хокинс поссориться с сестрой было вызвано не только желанием исправить ошибочное поведение, но и опасением, что, если Вениша не выйдет замуж за капитана Фокса, ей придется жить в доме мужа Фанни, священника в Киссингленде, человека, который крестил, венчал и хоронил всех его обитателей, который посещал их в болезни, утешал в печали, читал письма тем, кто не умел этого сделать сам, - и за все это получал огромную сумму, сорок фунтов в год. Соответственно, любая свободная минута, которую Фанни удавалось выкроить среди множества домашних дел, уходила на обдумывание сложного вопроса, каким образом доходов, которых недостаточно на двоих, может хватить на содержание троих человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Комментарии

1

Сиды (от ирландского Aes Sidhe – люди холма) – в кельтской мифологии божественные существа, обитавшие под землей, в холмах и пещерах, иногда на чудесных островах в океане. Впоследствии они превратились в банши, фей, эльфов и других персонажей народных преданий.

2

«Король Джон и аббат» (в русском переводе С. Маршака «Король Джон и епископ» или «Король Джон и пастух») – старинная английская баллада, впервые вышедшая в лубочных листах между 1650 и 1690 гг. Король Джон (не исторический Иоанн Безземельный, а собирательный фольклорный образ короля), желая расправиться с аббатом Кентерберийским за «богатство и громкую славу», задает ему три вопроса, которые не могут разрешить ученые Оксфорда и Кембриджа, и лишь неграмотный пастух легко придумывает остроумные отгадки.

3

Радклиф, Анна (1764–1823) – английская писательница, автор готических романов.

4

Платные библиотеки пользовались популярностью в Англии на протяжении XVIII и XIX вв.; книги стоили дорого, и те, у кого не было денег на покупку, брали их на время за относительно небольшую плату. В значительной мере эти библиотеки ориентировались на женщин из среднего класса, и основную часть литературы в них составляли модные романы. К началу XX в. их практически вытеснили бесплатные публичные библиотеки.

5

«Эдинбургский журнал» (точнее, «Blackwood's Edinburgh Magazine», по имени основателя Уильяма Блэквуда) издавался с 1817 г., поддерживал тори. Отличаясь воинственным духом, соперничал с «Эдинбургским обозрением» («Edinburg Review»), которое поддерживало вигов (в тексте «Дам из Грейс-Адье» «Обозрение» упоминается чуть ранее). «Blackwood's Magazine» также упомянут в предисловии к повести «Том Ветер-в-Поле, или Как был построен волшебный мост в Торсби».

6

Робин Добрый Малый, плутишка Робин, Пак, – наряду с Обероном и Титанией персонаж комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». В отличие от имени Оберона, заимствованного Шекспиром, вероятно, из старофранцузского романа о Гюоне Бордосском, или Титании, чье имя упоминается в метаморфозах Овидия и поэме Эдмунда Спенсера «Королева фей», Пак – исконный персонаж английских народных преданий и баллад. В пьесе Шекспира Robin Goodfellow появляется во втором акте (сцена первая).

Наружностью твоей и обращением,

Быть может, и обманываюсь я,

Но, кажется, ты точно дух лукавый

По имени Робин иль Добрый Друг.

Не ты ль девиц пугаешь деревенских?

То сливочки снимаешь с молока,

То мельницы ручные их ломаешь,

То не даешь хозяйке масла сбить,

То не даешь закиснуть их напиткам!

Не ты ль с пути сбиваешь пешеходов

И тешишься их страхом и досадой?

Но кто тебя зовет любезным Паком,

Тем счастье приносишь ты с собой

И сам за них работы исполняешь,

Не ты ли, Пак?

(Перев. Н. М. Сатина)

Иль просто с виду ты ему подобен,

Иль в самом деле ты Плутишка Робин,

Лукавый дух. Не ты по деревням

Девиц пугаешь? Зерна мелешь сам?

Снимаешь сливки и часами сплошь

Работнице сбить масло не даешь?

Ты портишь дрожжи в пиве? Ты морочишь

Ночного путника и вслед хохочешь?

А кто тебя зовет «дружочек Пак»,

Тому ты рад помочь и так и сяк.

Скажи мне, это ты?

(Перев. М. Лозинского)

7

Обри, Джон (1626–1697) – английский историк и антиквар, член Королевского научного общества, прославившийся краткими биографическими очерками о знаменитых современниках. Кроме того, множество старинных обычаев и историй об эльфах были бы навсегда потеряны для мира, если бы Джон Обри не упомянул о них в своих хрониках. Судебные тяжбы разорили наследника известного и богатого рода, поэтому большую часть жизни он прожил прихлебателем в знатных семействах, уповая на милость друзей. Джона Обри часто обвиняют в неточностях, отсутствии систематического подхода, использовании сомнительных материалов, слухов и сплетен. Впрочем, приводя в своих работах непроверенные сведения или непристойные анекдоты, он всегда указывал в примечаниях на сомнительность источника и зачастую был виноват лишь в том, что повторял слышанное от других или виденное собственными глазами.

8

Лошадка и охапка (Horse and Hattock) – выражение пришло из шотландского фольклора. Эльфы обрели крылья лишь в викторианской литературе, раньше им было свойственно передвигаться, используя пук соломы или капустную кочерыжку. По свидетельству Джона Обри, когда эльфы хотят магическим способом переместиться из одного места в другое, то выкрикивают: «Лошадка и охапка».

9

Мистер Ашмол... – Элиас Ашмол (1617–1692) – основатель музея и библиотеки древней истории, изящных искусств и археологии при Оксфордском университете, член Королевского научного общества, увлекался также алхимией, астрологией и прочими эзотерическими материями.

10

Саймон Форман (1552–1611) – знаменитый английский врач, астролог, оккультист и травник. Многотомный архив Саймона Формана, содержащий его ученые труды и врачебные записи, был куплен у наследников его ученика астролога Ричарда Нейпира собирателем древностей Элиасом Ашмоллом и ныне хранится в Бодлеанской библиотеке.

11

Pharisee Vulgaris – эльфус вульгарис, или эльф обыкновенный (англ. диалектн., лат.). Pharisee – саффолкское название фей (эльфов). Слово fae или faerie пришло в староанглийский из старофранцузского и происходит от латинского «фата» – парка, сохранившегося в таких сочетаниях, как «фата-моргана». Долгое время оно бытовало в форме phairie (в частности, так в «Демонологии» короля Якова I). Pharisee (farisee) возникло в саффолкском диалекте из формы множественного числа и как омоним слова «фарисей» частенько приводило к недоразумениям, в том числе к попыткам доказать существование фей при помощи Библии.

12

Fiat, fiat, fiat, amen, amen, amen... – Да будет, да будет, да будет, аминь, аминь, аминь (лат.).

13

Etcetera – и так далее (лат.).

Маб – королева фей из монолога Меркуцио в «Ромео и Джульетте».

Все королева Маб. Ее проказы.

Она родоприемница у фей,

А по размерам – с камушек агата

В кольце у мэра. По ночам она

На шестерне пылинок цугом ездит

Вдоль по носам у нас, пока мы спим.

В колесах – спицы из паучьих лапок,

Каретный верх – из крыльев саранчи,

Ремни гужей – из ниток паутины,

И хомуты – из капелек росы.

(Перев. Б. Пастернака)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/syuzanna-klark/damy-iz-greys-adyo-i-drugie-istorii-sbornik-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)